

АТОМНЫЙ

ГОРОД

Алексей Доронин

ЧАС
СКИТАНИЙ

«КРЫЛОВ»

Алексей Алексеевич Доронин
Час скитаний
Серия «Черный день», книга 7

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69457900
Час скитаний: ИК «Крылов»; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-4226-0390-9*

Аннотация

Шестьдесят лет назад мир погиб в пожаре мировой войны. Но на этом всё закончилось только для тех, кто сторел заживо в ядерном пламени или погиб под развалинами. А для потомков уцелевших всё только начиналось. Спустя полвека с лишним на Земле, в оставшихся пригодными для жизни уголках царят новые «тёмные века». Варвары, кочевники, изолированные деревни, города-государства. Но из послевоенного хаоса уже начинают появляться первые протоимперии – феодальные или рабовладельческие. Человечество снова докажет, что всё новое – это хорошо забытое старое, ступая на проторенную дорожку в знакомое будущее. И, как и раньше, жизни людей, оказавшихся на пути сильных мира сего, не стоят ни гроша. Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	29
Глава 2	89
Глава 3	127
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Алексей Доронин

Час скитаний

*Любовь и боль,
Покой и бой,
Я, как лобой,
Несу с собой.
Сергей Шнуров*

Рисунок на обложке Светланы Крыловой

© А. Доронин, 2021

© ИК «КРЫЛОВ», 2021

Книги серии «Черный день»

1. Черный день

2. Сорок дней спустя

3. Утро новой эры

4. *Призраки Ямантау*

5. *Поколение пепла* (романы вышли в одном томе под названием «Поколение пепла»)

6. Дети августа

7. Час скитаний

Пролог

Капсула времени

23 августа 2019 г.

Гамбург, Германия.

За минуты до катастрофы

У Изобретателя, как Элиот Мастерсон предпочитал себя называть, даже когда стал главой компании, было несколько цитат, которые он перечитывал в редкие минуты душевной слабости. Ни одна из них не являлась молитвой или религиозным гимном. Но каждая имела отношение к человеческому разуму.

Раньше кроличьей лапкой на удачу, воображаемой бутылкой шампанского для «крещения» корабля – то есть любого судьбоносного дела – был для Элиота текст послания, отправившегося к звёздам на борту космических аппаратов «Вояджер-1» и «Вояджер-2». Он знал его наизусть.

«Мы направляем в космос это послание. Оно, вероятно, выживет в течение миллиарда лет нашего будущего, когда наша цивилизация изменится и полностью изменит лик Земли... Если какая-либо цивилизация перехватит «Вояджер» и сможет понять смысл этого диска – вот наше послание:

Это – подарок от маленького далёкого мира: наши звуки, наша наука, наши изображения, наша музыка,

наши мысли и чувства. Мы пытаемся выжить в наше время, чтобы жить и в вашем. Мы надеемся, настанет день, когда будут решены проблемы, перед которыми мы стоим сегодня, и мы присоединимся к галактической цивилизации. Эти записи представляют наши надежды, нашу решимость и нашу добрую волю в этой Вселенной, огромной и внушающей благоговение...».

И хотя он повторил его про себя и в тот раз, в мае 2019 года, при предстартовых тестах, дурное предчувствие посетило Мастерсона и больше не покидало.

Это случилось на его космодроме недалеко от Браунсвилла, штат Техас, когда он присутствовал при рутинном выведении на орбиту нескольких крупных телекоммуникационных спутников, принадлежащих Индии, и ещё нескольких десятков орбитальных аппаратов малых размеров. Эти наноспутники весили от десяти до одного килограмма, и это был не предел. Хотя для самых крохотных спутников, которые можно положить в карман, как зажигалку, не нужно запускать огромную ракету – хватило бы такой же крошечной. Но они пока были в процессе разработки.

Индийцы использовали на этот раз ракету его компании – “Space Hawk”, чьё название образовано от имени хищной птицы, вместо привычной ранее русской «рабочей лошадки» из семейства «Протонов». Тому было много причин, и не только технико-экономического свойства. Пуски в том году следовали один за другим. Корпорация едва успевала произ-

водить аппараты, которые расходились как горячие пирожки, и становилась если не монополистом, то одним из ключевых игроков рынка.

Но не только этим они занимались. Существовало ещё одно направление работы. Секретное.

Итак, объект, который Элиот про себя называл «Прометей» (официальное название было иное), на тот момент кружился в околоземном пространстве несколько месяцев. Завершающие монтажные работы были проведены автоматикой уже на орбите. Риска не было – технология сцепления двух и более модулей была хорошо отработана при сборке МКС. Зато это позволило на двадцать процентов снизить расходы, что было его коньком. Он и штат сотрудников держал минимальный и всегда приветствовал выполнение одним работы за троих, даже если людям приходилось перерабатывать. Он любил говорить, что способность меньше спать – главный человеческий ресурс и резерв.

Задавая тон, он был требователен и к себе. Его физиология ему позволяла. А заодно несколько стимулирующих веществ. Тот, кто не мог соответствовать, быстро выгорал, как теплозащитный слой обшивки, и вылетал прочь, как ракета.

Но зато десять тысяч сотрудников делали дело, которое раньше было по плечу лишь целому государству. Хотя в последний год всё-таки пришлось увеличить численность персонала почти на четверть.

А тогда, на стартовой площадке обычной гражданской ра-

кеты, чьё брюхо было набито мирными спутниками, далёкий «Прометей», уже висевший в космосе как меч над чьими-то головами, не занимал его мыслей. Элиот делегировал обязанности, распределял их не только внутри своей фирмы, но и внутри своей головы. Поэтому умел отвлекаться.

Правил он для себя придумал много. Например: если хочется работать – работай. Если тебе хреново и не хочется – работай. Если хочется спать – тоже работай. И тогда обгоняешь всех.

Но самым первым правилом было другое: «Не задерживайся на одной ступеньке».

Именно следуя ему, Элиот когда-то давно оставил свою страну и уехал в Канаду по студенческой визе, а оттуда – чуть позже – в США. И это было верным решением. Особенно учитывая, что страна вскоре превратилась в криминальную клоаку, где в начале XXI века белого могли убить на улице даже не за цвет кожи, а потому что он был более выгодной добычей. Повседневная жизнь ЮАР в чём-то уже тогда походила на зомби-апокалипсис. Хотя в остальной Африке южнее Сахары жили ещё хуже.

* * *

В крохотном ЦУПе – не чета Байконуру или мысу Канавел-рал – мистер Мастерсон находился всего десять минут, следя одним глазом за работой трёх одетых в форменные комби-

незоны операторов, которые всё равно выглядели как гики, а не как солидные учёные. Сетчаткой другого глаза, слегка модифицированного с помощью технологий, пока не поступивших в свободную продажу, – Элиот воспринимал информацию без помощи экранов, непосредственно: цифры, графики и видеоданные, в которых отображались первые шаги новорождённого «Спейс-Хоука», то есть космического ястреба. На очереди была такая же технология для слухового нерва, но её пока не оттестировали должным образом на добровольцах.

Ракета взвилась в небо, всё прошло штатно, и Мастерсон зашагал к выходу. И в этот момент подумал:

«Они будут взлетать точно так же. И ты это знаешь».

С этой мыслью он потерял покой.

«Я не заказывал это. Заберите назад и верните мне деньги, пожалуйста». Но мысль не ушла, и страх не ушёл.

Первое правило мультимиллиардера. «Никогда не трать время на ерунду». Тот, кто его не соблюдает, даже миллионером не становится. Разве что получает всё в наследство.

Это было в мае. До всеобщего Затмения оставалось три месяца.

* * *

Когда к нему обратились с этим предложением, он в пер-

вый момент принял его за розыгрыш, несмотря на то, что исходило оно от джентльменов солиднее некуда.

Орбитальная платформа, пригодная для размещения метеорологического оборудования, объёмом тридцать кубических метров и массой шесть тонн, способная маневрировать на высоких орбитах, используя не ракетный двигатель, а автономные источники энергии. И два года срока на все работы.

Задача для Николы Теслы, причём не реального, а мифического, который якобы кидался молниями и умел телепортировать объекты размером с дом.

Но НАСА, которое обычно было на голодном пайке, внезапно получило от новой вашингтонской администрации, где ястребы сидели как куры на жёрдочке, полный карт-бланш на эти работы. А уже аэрокосмическое агентство пригласило его как главного субподрядчика.

Ему уже случалось работать с оборонщиками. Именно его компания была разработчиком виртуальной среды и метаязыка для разработки военной техники. Заказчиком было агентство DARPA¹. Программа включала в себя всё, от компьютерного моделирования до управления логистикой, была предельно гибкой и иллюстрировала собой преимущество сетевых полицентрических систем над вертикальными

¹ DARPA (англ. Defense Advanced Research Projects Agency – агентство передовых оборонных исследовательских проектов) – агентство Министерства обороны США, отвечающее за разработку новых технологий для использования в вооружённых силах. – Здесь и далее примечания автора.

ми иерархическими. Применялся в ней даже краудсорсинг². Ведь почему бы свободным людям не помочь своему правительству в поиске cost-effective solutions?

Впрочем, случались и курьёзы. Говорили, что именно коллективный разум подсказал американскому военному ведомству заказать – не у Элиота, а у другой компании – дрон, один из двигателей которого работал на биогазе. Более того, эта летающая хрень могла производить топливо из любых органических остатков. Но, насколько знал Элиот, прототипов производили всего четыре штуки, после чего секретный проект заморозили. Хотя зачем он был нужен вообще? Загадка. А на подходе уже были беспилотники «Цикада» размером с мышь, которые в перспективе можно будет печатать на 3D-принтере прямо на борту самолета-носителя. Сделать их размером чуть больше – и кроме камеры можно поставить оружие – например, пневматический пистолет. Или заряд взрывчатки.

Так зачем нужен летающий робот, который может делать топливо для себя из гниющих кукурузных початков или туши дохлой коровы? Незачем. Если только не рассматривать вариант мира, где не будет ни 3D-принтеров, ни нефтеперерабатывающих заводов. Тогда летающий генератор биогаза, может, и имел бы смысл. Хотя нет. Робот слишком вы-

² Краудсорсинг (англ. crowdsourcing, crowd – «толпа» и sourcing – «использование ресурсов») – передача некоторых производственных функций неопределённому кругу лиц, решение общественно значимых задач силами добровольцев.

сокотехнологичен, чтобы работать без промышленной базы. И слишком дорог. Поэтому на них и поставили крест. Люди дешевле и надёжнее. Пока ещё.

* * *

«Прометей»... Каждый из узлов этой платформы по отдельности был вполне технологически выполним и не очень нов. Но всё в комплексе... подобного в истории космонавтики ещё не делалось. Русские имели некоторые наработки в этой области. Но речь шла о маневрировании, смене плоскости орбиты малыми спутниками с помощью разгонных блоков. А от него требовали гораздо большего. Того, что раньше было прерогативой «Звёздных войн» – и не от Рональда Рейгана, а от Джорджа Лукаса.

Но прошло девятнадцать месяцев, и дело было сделано. И теперь он гордился им не меньше, чем своей аэрокосмической компанией. Хотя об этом вкладе в прогресс и сохранение мира и свободы на Земле он сможет по условиям договора рассказать только через десять лет.

И всё же имелся один неприятный червячок, который грыз Мастерсона день и ночь. По своему опыту Элиот знал, что и великие удачи, и огромные несчастья происходят при мизерной вероятности. И всегда неожиданно. Парадокс чёрного лебедя...

«Какого дьявола я думаю об этом? Разве это повысит ко-

тировки моих акций? Разве это заставит лучше продаваться мои электромобили и гаджеты?».

Но, вспоминая, как удаляется и делается всё меньше в чистом полуденном небе безобидная транспортная ракета, Мастерсон не мог себя заставить не думать. В молодости, пока Элиот ещё не подчинил себя жёсткому тайм-менеджменту, он увлекался не только программированием и изобретательством. Космосом он заболел после научной фантастики, особенно Айзека Азимова. Серия про «Основание» была его любимой.

Но там, на стартовой площадке, белый мультимиллиардер, родившийся на африканском континенте, вспомнил совсем другую книгу, роман лауреата премии «Хьюго» времен «холодной войны», от которой ему ещё ребенком было не по себе.

Она называлась “A canticle for Leibowitz”. «Страсти по Лейбовицу». Нет, к религии этот роман отношение не имел... как и к эротике. А вот с Азимовым перекликался... тоже касался цикла рождения цивилизации и её гибели. В огне.

А сейчас она заставила Мастерсона думать о чёрном лебеде, вестнике смерти и разрушения. Обычно он старался не думать, настолько страшна эта птица. Всегда хватало более реальных рисков. А тот, который казался маловероятным, игнорировался. Хотя бы для сохранности психики.

“Space Hawk” уносился ввысь, а его создатель всё раз-

мышлял... И радостные мысли о том, что он обеспечил западную цивилизацию новым “ultimo ratio”, которое позволит установить стабильный мировой порядок на следующие лет десять, – как ветром сдуло.

«Когда дело касается русских, обычные законы логики не действуют», – когда-то давно сказал ему отец, оторвавшись от чтения газеты. ЮАР до самого крушения апартеида была, мягко говоря, в недружественных отношениях с СССР. Ещё бы. Последний очень помогал чернокожим повстанцам.

Элиот не считал себя русофобом и признавал, что у страны, где букву “R” почему-то пишут зеркально, были свои достижения. Например, в космосе.

Но в этом случае отец оказался чертовски прав.

Элиот Мастерсон не был бы собой, если не располагал бы силами и средствами для наведения справок. И он знал: то, что ему известно как «Проект “Прометей”», в Пентагоне значилось как «Проект “Дамокл”». Впрочем, и в пятиугольном здании явно догадывались, что всё он знает, и мирились с этим.

Но... *Fait accompli*³, как говорят французы. Дело уже было сделано. Работа сдана заказчику, а значит, его детище находится под полным контролем НАСА... а по факту – военного ведомства. Кое-что он себе всё же оставил, хоть это и было незаконно. Крохотную «back-door», потайную дверцу, чтобы следить за функционированием платформы. Крохот-

³ *Fait accompli* (франц.) – свершившийся факт.

ный радиомаячок, который будет «спящим» и подаст сигнал на определённой частоте только в определённых узко очерченных обстоятельствах. В случае обнаружения это не бросало на него тень, а могло быть списано вояками на техническую недоработку. Всё-таки его специалисты чуть более компетентны, чем военные техники и инженеры.

Это знание было важно для него, чтобы планировать свою жизнь. И быть готовым к самому плохому.

Впрочем, Элиот установил для себя вероятность фатального развития событий в одну десятую долю процента. Не больше. Ведь люди – не лемминги, чтобы кидаться с обрыва в воду по весне. Ядерное оружие существовало почти восемьдесят лет, и хватило ума не применять его после Хиросимы и Нагасаки.

Он привык выигрывать, имея 1 к 100 не в свою пользу. То есть в ситуации в сто тысяч раз хуже. Облегчением для совести была мысль, что и без «Дамокла» глобальные риски не становились ощутимо меньше. Скорее – даже выше. Ведь «Дамокл», как его заверяли, будет важным фактором мировой стабильности. И годился тот не только против Медведя, но и против любой страны или блока, которые вздумают угрожать миропорядку. Он, может, был и неидеален, но именно при нем Мастерсон имел возможность заниматься своими проектами.

Не за горами времена, когда не только failed states, «государства-неудачники» – но и любой маньяк или фанатик

смогли бы приготовить боевой штамм вируса в нано-микроволновке у себя на кухне. Об этом предупреждал Рэй Курцвейл⁴.

Но пока главной угрозой была одна страна, всё ещё располагавшая слишком большим количеством ядерного оружия и даже собиравшаяся свой арсенал наращивать.

* * *

Элиот Мастерсон задолго до первых значительных успехов взял за правило никогда не откладывать дела в долгий ящик. Даже если очень хотелось. Смета расходов была составлена им ещё в его личном реактивном самолёте, державшем курс на Майами, пока он смотрел на проплывающую внизу белую равнину облаков.

Техническая часть проекта была готова на следующее утро после озарения на космодроме. Он придумал её в пентхаусе, который арендовал со всей обстановкой специально для частных встреч, хотя мог себе позволить купить его вместе с находящимся внизу небоскрёбом в семьдесят этажей. И ещё десять таких же. Но он не терпел «статусных рас-

⁴ Курцвейл, Рэймонд – американский изобретатель и футуролог. Известен прогнозами, учитывающими появление искусственного интеллекта и средств радикального продления жизни людей. С декабря 2012 года Курцвейл занимает должность технического директора в области машинного обучения и обработки естественного языка в компании Google.

ходов», а ещё меньше любил, когда деньги лежат мёртвым грузом.

Зато, как и вся его недвижимость, апартаменты были оборудованы системой «умный дом». Она могла не только поддерживать чистоту и кондиционировать воздух, но и заказать по сети и приготовить к его прибытию скромный обед или ужин. И не только готовую пиццу. Скромный по его меркам. Маленький конвейер, миниатюрный лифт, несколько манипуляторов – и вуаля! Bon appétit. И всё это без помощи прислуги из плоти и крови.

В этот раз он заказал машине хорошо прожаренный стейк. Вегетарианцем Элиот не был, давно решив, что для каждого периода жизни свои радости. Когда-то ему нравилось играть с конструктором «Лего», потом пришёл черёд видеоигр (подростком он их даже создавал сам), а потом он отдыхал от стремительного восхождения по социальной лестнице с противоположным полом. Немного старомодно, да. А когда он станет, как собирался, существом из волн и энергии, то найдет свои радости. Например, исследовать кривизну многомерного пространства-времени. Но глупо отказываться от тех источников удовольствия, которые тебе дает природа на текущем этапе. С этим даже буддисты не спорят.

* * *

Посвящать других всё равно пришлось бы, но этот момент

Мастерсон старался максимально отсрочить. Однако и тянуть было нельзя. Он чувствовал, что в воздухе пахнет озоном, а значит, будет гроза.

Кто-то на его месте думал бы о своём состоянии и обо всех незаконченных проектах и планах. Кто-то – о семи детях от двух браков и двух бывших жёнах, с которыми он сохранил хорошие отношения. А он думал о цивилизации.

Никто кроме него не мог сделать эту работу. Работу хранителя.

Элиот ещё надеялся на лучшее. На то, что он ошибся. Но допускал и вариант чёрного лебедя – общипанного, с перьями в радиоактивном мазуте, с красными глазами, готового наброситься и заклевать любого. Лебедя-зомби. Поэтому и хотел подстраховаться: за себя и за те семь миллиардов людей, которые о лебеде не подозревали. Нет, спасти их он, конечно, не мог. Речь шла только о наследии.

Для начала он разузнал всё, что касалось работ в двух интересующих его направлениях. Первое, оптимистическое – сохранение памяти цивилизации. Второе, пессимистическое – сохранение памяти о цивилизации.

Разузнал... и нашёл их страдающими безнадёжным дилетантизмом, а то и шарлатанством. Они не учитывали того факта, что вместо «мягкой посадки» человечество может ждать «взрывная декомпрессия». Часы Судного дня в Чикагском университете уже перевели к двум минутам до полуночи, а наивные идиоты всё ещё верили, что после обмена

ядерными ударами уцелевшие народы заплачут, обнимутся и мирно выстроятся в очередь, чтобы по-братски поделить остатки ресурсов и сбережённые технологии.

Несомненно, такие клады как «Global Seed Vault» на Шпицбергене приберут к рукам сильные. Дай бог, чтобы они при этом не разрушили их. Но, к сожалению, этим хранилищем семян на острове Свальбард примеры настоящих работающих «ковчегов» и исчерпывались.

Остальные частные и участвующие проекты годились только как приманка для туристов. Государства подходили к этому более основательно. Русские с упорством барсуков рыли нору на Урале. Американцы, китайцы, японцы и даже финны делали нечто подобное у себя. Но всё это были проекты с горизонтом в пятьдесят-сто лет. И все они касались в основном сохранения материи, точнее, элиты, а не памяти, знаний и технологий.

Элиот собирался заполнить этот пробел. Но если выполнение пункта 1 требовало колоссальных затрат сил, денег и времени, то пессимистический пункт 2 (т. е. Монумент человечеству), был вполне осуществим за какие-то несколько десятков миллионов долларов и в течение месяца. Именно с него Мастерсон и собирался начать.

Был ли этот пункт таким же нужным, как первый? Безусловно. Даже если человечеству в полном составе суждено погибнуть от собственной глупости, труд сотен и тысяч поколений не должен пропасть зря.

«Пусть мы будем хотя бы антипримером», – подумал Элиот, вращая перед глазами объёмные изображения подземелий горы Ямантау. Кроме него их видели всего человек двадцать во всём Западном полушарии. Да, русские вбухали в это строительство не меньше половины годового бюджета своей страны в тучные годы высоких цен на нефть.

«Она им не поможет...»

Но и из такой огромной норы на любом из материков Земли не получится обелиска для homo sapiens. Монумента, предназначенного даже не для далёких потомков – таковых может не быть, – а для чужаков, которые благодаря ему поняли бы, чем были люди и чего они достигли.

«И на чём споткнулись».

После Заката то, что не уничтожат дикари, уничтожит время. Артефакты ещё раньше приспособят под предметы культа, а прежние командные пункты и убежища – под святилища и гробницы. Оледенения будут сменяться похолоданиями и наоборот. А дрейф континентов – идти своим ходом. Появятся новые горные массивы и новые дуги тектонической напряжённости. И даже материковые плиты не гарантируют стабильности. Пройдёт пара десятков миллионов лет – и не останется следа от тех пещер. Хотя в реальности они рассыпятся гораздо раньше.

Околоземное пространство – это тоже не вечность. Был проект Европейского Космического агентства, но пока он не пошёл дальше набросков. И даже если рассчитать орбиту,

свободную от мусора и метеоритных потоков, нельзя исключить возможность падения на поверхность... Космическая пыль постепенно проест корпус аппарата и доберётся до содержимого. Всего за каких-то сто миллионов лет.

На Земле за это время тела людей превратятся в нефть. Не всех, конечно, а только погребённых в специфических условиях – лежащих под массивными завалами, смытых волной цунами и затянутых в ил, поглощённых разверзшейся землёй... Остальные превратятся в прах.

А вот Луна – это вечность без всяких «почти». Даже обычный лист бумаги может пролежать там миллиард лет. Американский флаг стоит в таком же виде, в каком его оставили астронавты, хотя и не полощется на ветру (над теми, кто в это не верит, Элиот посмеивался, но их логику понимал – действительно, есть что-то обидное и странное в том, что сумели, но не стали повторять). И будет стоять даже тогда, когда место, где находился Белый дом, скроет двадцатиметровый слой осадочных пород. Если, конечно, в звёздно-полосатый флаг не ударит мстительный метеорит.

Так Элиот принял решение, что на борту «Спейс-Хук-10», который в июле понесёт беспилотный зонд Европейского Союза к Луне, будет немного дополнительного груза.

Если ничего не случится... то есть наверняка... пусть это останется забавной шуткой, подумал Элиот. Ещё одним «камео», вроде его появления в фильмах про супергероев в роли себя самого – эксцентричного миллиардера, помешанного на

космосе. Или запущенной на орбиту спортивной машины.

Конечно, программа экспедиции не предусматривала возвращения аппарата с Луны на Землю. Отработав своё, зонд будет оставлен и забыт в пыли. И никто из землян, которые посмотрят снятые его камерой ролики на «YouTube», не будет знать, что осталось внутри корпуса лунохода.

А там за фальшивой переборкой притаилась круглая коробка из специального титанового сплава, которая вмещала тусклый серый диск, похожий на обычный “Blu-ray”, но влетевший ему почти в полтора миллиона долларов. Хотя в этот раз он, гений аутсорсинга, обошёлся без привлечения сторонних фирм. На поверхности, которую можно было поцарапать разве что алмазным резцом, в сжатой форме в двоичном коде было записано всё, что придумали и создали человеческая цивилизация и культура к этому моменту. А заодно информация о самих создателях – не только анатомия и физиология, но и наиболее полная на тот момент расшифровка генома. Амальгама десятков тысяч лет истории человека разумного и миллиардов лет органической жизни.

В этом массиве информации были и изображения готических соборов, и чертежи двигателя внутреннего сгорания, и картины Пикассо, и шедевры мирового кинематографа, и кинохроника – цветная и чёрно-белая. Элиот не сомневался, что слайды статичного изображения и видеофильмы чужаки посмотреть смогут. Даже если у них нет глаз. Технология считывания лазером будет интуитивно понятной даже тем,

кто отказался от подобных проигрывателей тысячи лет назад или вообще никогда не использовал. Пиктограммы, формулы, графики и цифры они ещё смогут интерпретировать, а вот естественные языки – большой вопрос.

Насчёт распознавания звуков у него было ещё больше сомнений. Расшифровать человеческую речь для тех, у кого совсем другой голосовой аппарат и органы слуха (или нет таковых вовсе) может оказаться невозможной задачей. Но всё же он поместил на диск и симфоническую музыку, и современный поп и рэп, и шёпот матери, и плач ребёнка, и голоса птиц и зверей, и шум ветра и дождя, и грохот вулканов и землетрясений, и шуршание песка с океанским прибоем. И всю тому подобную ерунду, о которой вспомнили еще отправители «Вояджера».

Человеческая речь должна прозвучать для неизвестных чужаков на сотне языков, даже если для них это будет значить не больше, чем звуки, которые издает муравей своими жвалами. Приветствия, прощания, комплименты, клятвы в вечной любви и смертельные проклятия. Даже звук ударной волны, как его воспринимает человеческое ухо, треск автоматной очереди и близкий разрыв снаряда. И нацистские марши, и речи Йозефа Геббельса, и современных президентов, и даже слова международных террористов и нескольких маньяков-убийц. Всё это они должны услышать. Надо быть честными.

И всё-таки на капсулу может упасть метеорит, подумал

Элиот. Даже если вероятность – один к миллиону. Если бы не спешка... можно было добавить в спускаемый модуль лунной ракеты миниатюрный бур, систему управления плюс компактный источник энергии. Тогда капсула могла бы зарыться в лунный реголит, как краб в песчаный берег. Вернее, краб-мутант – на тридцать футов. И тогда для неё получилось бы идеальное убежище на геологически неактивной планете, которое сохранило бы информацию нетронутой до тех пор, пока Солнце не надумает стать красным гигантом и поглотить систему Земля-Луна. То есть на пять-семь миллиардов лет.

Но времени не было. Элиот чувствовал, что развилка – точка расхождения, после которой кот Шрёдингера или отправится вдоль по радуге в кошачий рай, или останется и дальше гадить в тапки, – появится этим летом. Об этом говорили и все прогнозы. Графики цен на энергоносители и драгоценные металлы, прогнозируемые пики солнечной активности, сроки президентских и парламентских выборов, динамика подковёрной борьбы в странах с закрытыми режимами – все массивы данных, на обработку которых Мастерсон тратил простаивающие вычислительные мощности, говорили о том, что пик риска приходится на август.

Простая логика говорит о том, что, если эту войну начнут, то тогда, когда в Северном полушарии лето, а не зима. Так проще помогать пострадавшим – в своей стране, разумеется. А наиболее опасен конец лета.

«И не спрашивайте меня, почему. Это уже из области психологии, а не геополитики. Например, в августе сезон отпусков у западной элиты».

* * *

Поэтому придётся оставить капсулу на поверхности спутника Земли и надеяться, что траектории крупных метеоров в ближайший миллиард лет его минуют.

Рядом с диском в контейнере внутри лунохода была закреплена капсула из того же сплава. На боку у неё прямо в металле была выгравирована надпись. Уже без кода, по-английски. «Hello. If you are reading this and in case you are NOT a human being... then I presume that we had killed our entire race in a nuclear war. But we are nice people. Feel free to resurrect us. Yours, E. C. Masterson».

А ещё там был генетический материал в запаянной колбе. Не тот, конечно, который мужчина может отдать понравившейся женщине без помощи достижений генетики. Диплоидных клеток — клеток кожи, в данном случае его собственных (ещё одна минута тщеславия!) — для клонирования вполне хватит.

Конечно, для земной науки, которая не может клонировать даже блохастого мамонта, замороженная туша которого сохранилась почти полностью, это пока невозможно. Хоть его геном и полностью секвенирован, для клонирования

нужна не ДНК, которая всего лишь перфокарта с информацией, а неповреждённое клеточное ядро, которого нет. Но этим пришельцам со звёзд, раз уж они сумели пролететь много световых лет, информации от «голой» ДНК должно хватить с избытком.

На Луне эти клетки, как и всё содержимое капсулы, будут находиться при температуре, близкой к абсолютному нулю, а уж он позаботится о том, чтобы проклятый луноход обрёл свой вечный приют в какой-нибудь расщелине, дабы не подвергаться воздействию прямых солнечных лучей.

Там, в Море Спокойствия, где должен завершиться цикл работы аппарата, его и найдут будущие посетители Земли и её естественного спутника. Жаль, что они не увидят заложенной в этом названии иронии.

Вряд ли пришельцы не додумаются применить мощный детектор металла на спутнике подозрительной планеты, находящейся в «зоне жизни» у жёлтой звезды нужного спектрального класса. Да, капсулу заметит только цивилизация, более развитая, чем земляне. Но только такая и сможет попасть в чужую звёздную систему.

Элиот поймал себя на мысли, что рассуждает об этом, как о неизбежности.

Своего рода покупка индульгенции.

«И богу свечка, и чёрту кочерга, как говорят русские... – вспомнил он. – Сукины дети! Какого чёрта этим потомкам Чингисхана не живётся спокойно? Почему они именно сей-

час по заветам духов предков ударились в поход до Последнего моря? Почему не через двадцать лет? Тогда разрыв стал бы ещё фатальнее, и мы прихлопнули бы их вместе с их ракетами, балалайками, водкой и боевыми медведями одним щелчком пальцев. Ну почему?!».

* * *

Обо всём этом он вспомнит 23 августа в Гамбурге, во время перерыва на ланч, когда горизонт взорвётся красным, а башня из стекла и бетона, где он принимал корпоративных посетителей, находясь в этой части Европы, потеряет все стекла и начнет крениться.

«Люцифер повержен. Кирие элейсон!» – вспомнил он в тот момент слова католического гимна, которые один автор – американский военный лётчик и самоубийца – использовал в своей книге о ядерной войне, которая была изображена не как конец, а как циклическое проклятье человечества.

Вспомнил за секунду до того, как комнату, где он находился, окутала тьма опускавшейся с потолка пыли.

Глава 1

Молчун

2075 год, Васильевский остров

Обычно туман приносило с моря, но в этот вечер он пришёл со стороны материка, от которого остров отделяла узкая полоса воды. Пришёл со стороны мёртвых районов и охватил единственный жилой район с трёх сторон, как подкова.

Казалось, что подступал он медленно, не быстрее, чем идёт пешеход. Но это была иллюзия. На самом деле густая пелена напозла мгновенно. И вот уже языки тумана лижут подножия древних зданий, которые стали историей задолго до Войны.

Уж чего, а истории в этом месте было много. Истории с большой буквы.

А вслед за туманом с востока шла уже настоящая ночная темнота. Мрак казался другой разновидностью тумана, вот только он не стелился по земле, а разливался до самого неба. Всё, что было к востоку от Острова, уже ему покорилося. Там не было ни одного источника искусственного света, чтобы с ним бороться.

«Наверное, так выглядела мгла, пришедшая со Средиземного моря, на которую смотрел страдающий головными болями *прокурор* Понтий Пилат», – подумал Молчун.

Он всё никак не мог привыкнуть, что летом тут темнеет очень поздно. И совсем ненадолго.

Они опять засиделись за полночь. Хотя Молчун с трудом мог вспомнить, о чём они с Анжелой говорили. Интересно, хороший это знак или плохой?

Скверная погода часто не давала даже заметить эти «белые ночи». Вот и сейчас лишь на западе над заливом небо было относительно чистым. Хотя и там вдалеке над горизонтом нависали несколько крупных туч, но в просвете между ними виднелся край багрового солнца, садящегося далеко в море. Со всех остальных сторон стеной стояли тёмные облака.

Дождя ещё не было, хотя он вполне мог пролиться этой ночью. Тут очень часто шли дожди. И лето было прохладным – хотя зимой не случалось таких морозов, которые выстуживали всё в глубине континента. Море забирало тепло, но оно же его и отдавало. Физика. Это уже второе его лето на этой земле, и оба были одинаково сырыми и стылыми.

Из окон седьмого этажа длинного дома на Морской набережной открывался отличный вид. Дом был заселён едва ли на четверть. Большинство подъездов стояли безлюдными. Здесь находилась их летняя квартира.

Зимой, когда отапливать её становилось тяжело и невыгодно, они переезжали в приземистый дом из кирпича, стоявший дальше от побережья – на Наличной улице, где в двух подъездах жили, кроме них, еще человек двадцать, включая

отца Анжелы. Он разрешал им жить в соседней с ним квартире с ремонтом.

Свободных домов здесь хватало, хотя, конечно, почти всё жильё находилось в ужасном состоянии. Но с тем, что творилось по ту сторону Невы, которая огибала остров с севера и юга, конечно, не сравнить. Многоэтажные дома и тут, на острове, не знали капитального ремонта, но всё же сохранились лучше. Здесь хоть как-то жильцы чинили крыши, просушивали подвалы, подмазывали трещины. Но если здесь заходить в необитаемые дома было просто опасно, то на материке – самоубийственно из-за риска обрушения. И всё равно сталкеры туда ходили.

Поэтому отец и не был в восторге, что они с Анжелой живут здесь. Но им хотелось хоть иногда чувствовать свою независимость как семьи.

Над мокрыми проваленными крышами кружились вороны, которые отсюда казались чёрными точками. На берегу конкуренцию им составляли чайки, а над морем ворон и во все не встретить. Но город принадлежал именно этим наглым чёрным птицам. Их тут почти не убивали на еду, как на материке, вот они и обнаглели.

Не то чтобы не было надобности – голодные в городе имелись – просто добывать птицу тут не любили. Гвардейцы в таком мясе не нуждались, а у простых людей оружия не было, даже пневматического. Не разрешалось. Убивали только голубей, но они редко спускались на землю, а карабкаться за

ними на верхотуру – чердаки и крыши, – рискуя провалиться и упасть, был готов на Острове далеко не каждый. Обленились. Наверное, потому, что жили тут всё-таки более сытно. А многие ещё и зарплату получали. Почти как раньше. Хоть и едой. Пусть и немного, только чтобы не умереть.

«В этом плане почти ничего не изменилось», – говорил кто-то из старожилов.

Так и жил этот диковинный осколок прошлого. Остров Петербург. Который раньше назывался Васильевским островом и был малой частью второго по величине города страны. Жил под защитой своих каналов-проливов... И, конечно, гвардии.

А за Невой был уже Петербург Большой.

Чего у города не отнять, так это красоты. И это касалось и живого, и мёртвого. Всё, что Молчун видел до этого (а видел он многое), в подмётки ему не годилось. Много раз в своих поисках древностей он залезал в других городах в чудом сохранившиеся здания музеев. Но внутри не находил ничего интересного, кроме пыльных глиняных горшков, которые он бы и сам мог слепить, и старых заплесневелых чучел, потерявших всякое сходство с животными, которых они изображали.

А тут каждая улица – как выставка, и каждый дом – как экспонат!

В любом подъезде можно найти целое собрание вещей, которым в день начала Войны было уже по восемьдесят, а то

и по сто лет. Картины, пианины, канделябры, портьеры, шифоньеры и много тому подобной интересной дребедени. И это только в обычных домах. А в разных дворцах, театрах и учреждениях... где расписные потолки... хоть и основательно попорченные, где огромные люстры (упадёт такая, и сразу человек двадцать раздавит!) и мозаичные полы...

Кое-что уже было трухлявым и гнилым. Но можно представить, как всё это шикарно выглядело когда-то.

Да и сама архитектура... Конечно, и на материке в районах подальше от центра Питера, и даже здесь, на Острове, стояли и обычные дома – типовые, из бетона, похожие как близнецы. Они назывались когда-то новостройками. Но взгляд пленяли именно древние, штучные. Которых в других городах не увидишь.

Да и кроме *антикварных* домов, в Санкт-Петербурге хватало того, на что можно поглазеть.

Площади, где могли бы стоять десять тысяч человек плечом к плечу. Громадные пустые набережные, где сразу представляешь пришвартованные корабли: и железные – с трубами и колёсами, и деревянные – с мачтами и парусами. А на берегах Невы и огромного залива стояли колонны, типа античных, и каменные львы сидели, как часовые. Ступени спускались прямо в воду, украшенные гранитными шарами, а со стенок набережных смотрели и скалились рельефные львиные морды. Прямо Древняя Греция с Римом. И всё одето в мрамор или в гранит... из которых, как Молчун думал

раньше, только памятники на кладбищах делают.

Это место и было одним большущим памятником. И кладбищем, старым некрополем, тоже было. Но это уж – как везде.

* * *

Закат медленно догорел. Они с Анжелой сидели в спальне, которая была раньше частью небольшой квартиры прежних людей. Вроде бы тут когда-то жили студенты, имевшие семью. Все остальные комнаты вдоль длинного коридора, кроме этой, были закрыты, и на многих дверях висели ржавые цепи или были нарисованы предупреждающие знаки. Некоторые были просто заколочены. Никаких особых опасностей там, конечно, не было, кроме гнилого пола и балконов, которые при вставании на них могли очень быстро доставить человека вниз, но далеко не в целом виде.

Потрескивали – а иногда и просто хлопали – дровишки в железной печи, труба-дымоход которой была выставлена на улицу через окно. Половина его была заделана фанерой. Иногда даже летом приходилось топить.

На блюде лежали нарезанная кружками колбаса, мелкие яблоки, буроватый хлеб и пирожки с ливером. Чьим ливером – неясно, но для своих повар трактира не стал бы халтурить. Вряд ли кошка. Много ли в ней ливера-то?

В высоких кружках – настоящий чай. Импортная завар-

ка из-за моря. Не из пайка, а купленная на толкучке в Парке Декабристов. Можно иногда себя побаловать, хотя особой разницы Молчун не чувствовал. Хоть чабрец, хоть пустырник заваривай, а всё одно без сахара – трава травой. Зато с сахаром любая бурда кажется сладким чаем и божественным напитком.

«А ты знаешь, почему печка называется «буржуйка»? – как-то спросила Анжела Молчуна, откинувшись в кресле и укрывшись пледом.

«Ясное дело. До войны только богатым буржуям были доступны такие, поэтому и называется».

Почему-то она долго смеялась. А он насупился и не обиделся только потому, что знал: обижаться на женщин – самое бесполезное занятие.

Но вообще-то было неприятно. До того, как он попал сюда, в любой деревне, куда его заносила судьба, все ахали – какой умный да какой образованный юноша, читать и писать умеет, цифры и числа знает... Впрочем, уже не юноша, а мужчина в самом расцвете сил, который теперь начинался лет в двадцать. И он, слава богу, помнил, в какой книжке было такое выражение.

Но здесь он числился как дикарь и бревно, и каждый дурак ему об этом напоминал. Хоть сапожник, хоть пирожник, хоть подавальщица в трактире, которая могла в свободное время читать какого-нибудь Коэльо.

Не говоря уже о таких людях, как Самуил Олегович Ба-

ратынский – мажордом магната Кауфмана. Мажордом – это нечто среднее между завхозом и главой администрации.

Его заказ Молчун только вчера наконец-то выполнил, хотя и пришлось для этого попотеть.

Вот тот был сноб высшей пробы. И жмот. Да и заказы его – из самых сложных. Мог забраковать товар, который выглядел идеально, только где-нибудь уголок страницы был оторван. Но отказываться даже от такой работы глупо.

Или учёный Денисов, для которого он доставил из Пулково целый ящик деталей для старинного телескопа. Мимо оборвышей, Карл! (И почему прежние постоянно упоминали этого Карла?)

Молчун думал, тот будет смотреть с помощью линз и трубок на звёзды, однако учёный сказал, что это для истории. Для музея. Но хорошо заплатил. А ещё для него же Молчун добывал редкие книги с ятями.

Люди тут на Острове были диковинные. И звездочёт, в общем-то нормальный мужик, был не самым странным.

Был ещё Коровин, потомок каких-то академиков, который занимался рыбным бизнесом. У него имелось сразу несколько необычных хобби. Он называл себя таксидермистом. Слово звучало почти как министр, но другие чаще называли его Чучельником. Говорили, что иногда он одевается царём Петром Первым и марширует у себя по застеклённой веранде в старинной шапке-треуголке, со шпагой. А ещё – что у него в огромном доме самая большая коллекция манекенов. Одеж-

ду для них приносил ему тоже Молчун. Ходили слухи, что среди них стоят и мумии, сделанные из трупов, среди которых есть даже две его последние жены. Но то, что его особняк украшен чучелами зверей, Молчун видел, и выглядели те тигры и львы как живые.

«Это Питер, детка». Так все говорили.

Первый раз он за эту фразу чуть в морду не дал. Вроде бы это сказал ему армянин Ашот Ашотыч, принимая на ремонт ботинки. Сказал, мотивируя высокую цену. Потом Молчун понял, что это просто выражение такое. И обидного в слове «детка» ничего нет.

Хотя, конечно, командиру отряда или одному из магнатов такое не скажешь.

В первые дни, когда только поселился тут, Молчун часто ходил посмотреть на разные чудеса. Тогда у него не было службы, а только временные шабашки в порту и на рынке. Поэтому и времени было полно. И чуть ли не открыв рот, он шастал среди каменных дворцов, колонн и статуй. Спускался к самой воде и подолгу стоял, глядя на её поверхность, на пену и солёные брызги, на здания на том берегу Большой или Малой Невы. И даже тот мусор и хлам, который выбрасывало на берег, казался ему тут более культурным и древним... Бросил он это дело, только когда увидел, что местные, даже торговки с лотков и лодочники, таращатся на него и посмеиваются в кулак. Нечего себя дикарём выставлять.

Собственно, Питером раньше называлась и та часть горо-

да, которая стояла на материке. Но это раньше. Сейчас Питером был только остров, а в материковой части города не жили даже оборвыши – настолько она была разрушенной, да и затопленной – сюда они только ходили на промысел из своих деревенок.

У местных была привычка называть всё, что за пределами Острова, «материком». Но технически это было не совсем точно. Ведь и то, что лежало непосредственно к югу, и то, что находилось к северу от Васильевского... тоже было островами, только другими!

Ведь исторический центр древнего города стоял в основном на островах.

На север отсюда – Петровский остров, а ещё севернее – Петроградский. А на юге – Адмиралтейский, которых раньше вроде бы было два, но теперь водная перемычка между ними оказалась засыпана обломками и затянута илом. Старые реки, которые текли тут испокон веков, в основном остались такими же, их русла, выложенные камнем, не изменились. Река Смоленка всё так же текла, отделяя от Острова его северную часть, которая раньше звалась островом Декабристов (сейчас она воспринималась как неотделимая его часть). А вот из прокопанных людьми каналов многие исчезли. Например, Крюков канал и канал Грибоедова. В других местах появились водные пространства и пути там, где их до Волны не имелось. Всё изменилось, даже уровень воды.

Иногда открывали форточку, потому что из-за печки комната постепенно наполнялась запахом дыма. Ветер дул с моря, и было очень свежо. Рядом с открытой форточкой дышалось легко. Хотя у всего была обратная сторона. При таком ветре, если у тебя нет крыши над головой и дров, ты и летом можешь простыть и загнуться, даже если температура не падает ниже плюс пятнадцати. Тут из-за влажности от любой температуры надо отнимать десять-пятнадцать градусов – и тогда получится то, что реально ощущаешь.

С непривычки он первое время часто болел, и даже простуда здесь была другая, более сопливая и мерзкая. Но потом организм приспособился.

Этот дом считался сухим. В зданиях, где годами стояла вода в подвале, было сыро даже сейчас, в самый тёплый месяц лета. И комары, и прочая гнусь водилась. Да и рухнуть они могли в любой момент. А их дом всё ещё был крепким, хотя железобетон давно исчерпал все сроки, на которые рассчитывался.

Говорили, что в прежние годы воды было больше. Что сразу после Бомбы (так здесь иногда называли то, что произошло в августе 2019-го) она побывала не только в подвале каждого дома, но и на первых этажах, а где-то и на вторых...

А на материке за проливом ещё хуже. Многие дома до

сих пор затоплены аккуратно до потолка первого этажа – вода стояла в комнатах, а жильцами были только пучеглазые рыбы. Остров был более высокой точкой, чем материк, поэтому здесь таких домов мало.

Собственно, именно проливы охраняли остров от тех, кому тут были не рады. Но в шутку эту границу все местные называли «Порebrit». Так тут звался обычный бетонный бордюр.

«Давно ли из-за Порebrit?».

«Караван из-за Порebrit привезёт бенз и дизель».

«Посмотри на его рожу, он точно за Порebritом живёт...».

«Завтра идём в рейд за Порebrit, оборвышей гонять».

Оборвышами называли тех, кто жил по ту сторону водной преграды. То есть всех остальных. Расстояние значения не имело, поскольку других настоящих русских городов, по мнению островитян, больше не существовало. Но в его присутствии Анжела это слово не произносила. Наверное, не хотела обижать. Хотя ему было по фигу.

– А не пора переходить к более близким отношениям? – произнёс Молчун, закрывая форточку, чтобы не дуло.

Он подсел к девушке поближе, но она не пустила его под плед, капризно отодвинувшись. Плед был в крупную красную клетку. Томик японского автора со смешным именем Харуки, который он ей подарил, лежал рядом на красивом столике с гнутыми ножками. Он до сих пор помнил, как

добыл эту книжицу из магазина «Читальная страна». Была запаяна в пленку, поэтому не истлела. И выглядит, будто недавно отпечатали.

– А тебе мало того, что ты получаешь? – улыбнулась она.

– Всегда хочется большего. Никто всё равно не поверит, что мы ни разу...

– Не целовались? – переспросила его подруга с усмешкой. На ней под пледом было что-то очень легкое. Может, короткая ночная рубашка из шёлка, а может, необычное бельё, которое тоже он подарил, найдя сносное в одном контейнере на Петроградской стороне. Он мало что покупал или менял на рынке. Больше находил. У работы сталкера свои плюсы.

– Да нет, – махнул он рукой. Целовались-то они достаточно. И не только. – Ты понимаешь, о чём я. Знакомы давно вроде бы. Общаемся, проводим время...

– И ты думаешь, что уже пора... а? – она его слегка дразнила, издевалась. Над его неловкостью, которая то ли происходила из неопытности, то ли была врождённой.

– Да блин, я этого не говорил. Может, и пора. Но никто на тебя не давит. Ты же свободная. Не рабыня.

Когда он впервые увидел на доске объявление «Продаются рабы! Недорого», то прочитал неправильно – «Продаётся рыба». Настолько его это шокировало. Рыбу на той же площади действительно продавали, но в этот раз речь шла о людях... И он видел этих людей. На них не было ни цепей, ни клейма, но трудно было не заметить, кто они такие.

Рабов в городе имелось немного и, конечно, экономика не на них держалась – в основном они выполняли грязную и унижительную работу. Убирали нечистоты, рыли могилы и хоронили покойников, солили рыбу из самого плохого сырья. Женщины – торговали своим телом, не имея возможности даже оставить себе полученное за это, кроме синяков. Мужчины – работали на скотобойне и в рыбных бараках. Про гладиаторские поединки он тоже слышал, хоть там вроде и не до смерти дрались, а только до отключки. Но это почти одно и то же – ведь нормальной медицинской помощи не было. Самому ему и в голову не пришло бы зарабатывать этим на жизнь.

Иногда их стыдливо называли работниками. Но часто не стеснялись. Ещё поговаривали, что некоторые из личных слуг магнатов тоже свободно прогуливаться не могут и имеют татуировку со «штрихкодом». Но эти уж точно жили лучше, чем оборвыши за Поребриком. Да и вообще о побегах мало было слышно. Остров хоть и невелик, спрятаться на нём можно, но не будешь же всю жизнь прятаться? А переплыть Неву... фишка в том, что большинство «ценных работников» считали, что живут лучше, чем запоребриковые. Да и плавали они плохо, от недоедания быстро обессилевали.

Хотя, конечно, усмирять локальные бунты иногда гвардии приходилось. Но такие случаи можно по пальцам сосчитать.

Как теряли свободу? Почти исключительно за долги. Не сумев вовремя заплатить проценты. Такое случалось не так

уж редко.

И не сказать, что на материке своих рабов не было. Закабалить крестьян-соседей считалось нормой. Раз можешь – значит, твоё право. Пусть платят или горбатятся. Просто постоянной собственности на людей там не было. И не из-за гуманизма – просто жизнь теперь гораздо проще устроена, никаких бумажек, никаких картотек, никаких векселей. Если ты был там в цепях, но завоевал свободу – то почёт тебе и уважуха. Можешь даже бригадиром банды стать. Ну а в совсем диких углах, где один человек на тысячу квадратных кэмэ, никто никого не кабалил.

«Нет у меня рабов. Их же, сволочей, ещё и кормить нужно», – говорил Молчуну один караванщик, перевозивший на своей «тачке» ценный и мелкогабаритный товар типа лампочек... и иногда бравший пассажиров, готовых платить жратвой вроде вяленого мяса и мириться с тем, что ехать им придётся не в кабине, а в кузове. Но так как товар был хрупкий, то трясло не сильно.

Где-то далеко на юге было ещё СЧП и его «трудовые отряды». На севере же армии Сахалинского Чрезвычайного Правительства и её невольников никто в глаза не видел. Если и рассказывали о них караванщики, то как о далёком курьёзе.

Конечно, Анжела была не рабыней, как другие девушки из заведения Червонца. У неё во взгляде столько чувства собственного достоинства – и не подумаешь, что простая официантка. Ей хозяин платил, хоть и мало, как, впрочем, и всем

остальным, включая повара, который поэтому безбожно воровал и готовил редкостную дрянь. Всем платил мало, кроме охранника-вышибалы по прозвищу Молот. Вот тот получал хорошую денгу, поэтому охотно следил и за другими работниками трактира. Да ещё и хозяина охранял.

Молчун радовался, что сам там не работает.

Хотя Анжела находилась на привилегированном положении, и парень это сразу понял. Пялился на неё, конечно, но не слишком откровенно. Как любой мужчина своего возраста, замечал прежде всего то, что гладкое и округлое. А отнюдь не выражение глаз.

Но она первая заговорила с ним, когда он сидел один, ожидая опаздывающего заказчика. Сам бы он к ней не подошёл. Хотя симпатичная официантка, стройная, с убранными под косынку светло-русыми волосами, чуть вздёрнутым носиком и несколькими веснушками на щеках, ему приглянулась за долго до той субботы.

Она заговорила с ним, и он попытался выложиться по полной. Конечно, не лапал и не говорил пошлостей. Хотя хотелось.

Анжела могла считать его сдержанность признаком серьёзных намерений. Признаком того, что он хочет не перепихнуться и не «пожить вместе до понедельника», а создать самую настоящую семью. И ещё недавно ему казалось, что она сама этого хочет.

Пару раз она заговаривала полушутя о браке. Будто про-

щупывала почву. Он отвечал честно – что не против, но им надо лучше узнать друг друга. Ведь семья – это дело серьёзное. Это щупывание с её стороны началось уже на вторую неделю знакомства.

Тогда она ответила: «Так давай узнаем. Ты вроде хороший и серьёзный».

Молчун не знал, права она или нет.

«Кого я пытаюсь обмануть? – думал иногда он. – Не знаю, хороший ли я. А вдруг из меня не получится отец семейства? И дело даже не в том, что в моей жизни есть более важная цель. Просто зачем строить замок на песке, если завтра может прийти очередной упырь и всё это сломать?».

Или не упырь, а обстоятельства.

В детстве он постоянно слышал от родных, как хорошо иметь своё гнездо, как важно семейное тепло и какое это счастье – дети. Хотя в повседневной жизни подтверждения этим словам видел не всегда. Нет, ничего кошмарного, на что насмотрелся в других деревнях, в которых находил временный кров, – у них под крышей, в семье его родителей, не творилось: пьянства, избиения детей и женщин... и других вещей похуже. Но и тепло распространялось далеко не во всех направлениях. И всё же в обоих поколениях его рода была хотя бы видимость мира и покоя.

Правда, у него пока ничего подобного душа не просила. Может, ещё не созрел.

И всё же в Анжеле было нечто, что задевало в его душе

звнящую струну. Может, она кого-то напоминала ему. Такое объяснение сгодилося бы для романа. Романами старые книжки назывались потому, что там есть романтика: иначе говоря, то, чего в жизни не бывает. Например, летающие на тарелках пришельцы, динозавры или любовь на всю жизнь.

Но правда была проще. После марш-бросков, рейдов и патрулей хотелось приходить туда, где тебя ждут, а не в казарму. Там, конечно, тоже ждут, но не с нежностью и заботой, а чтобы поручить какую-нибудь фигню, которая в его обязанности не входит. А семейным разрешалось жить дома. К бесу заботу от таких людей, как старшина Богодул. Да и командир Туз не лучше, хоть и строит иногда из себя отца родного... Теперь, когда Молчун перестал быть «молодым», грязной работы особо делать не приходилось, но наряды по хозяйственной части всегда были – тут уж не важно, где ты живёшь. Но всё-таки быть семейным – как-то более престижно.

Анжела для роли спутницы подходила идеально. И была свободной. Нет, разные уроды к ней то и дело раньше подкатывали, но она не выглядела легкодоступной чувихой (так тут в Питере говорили) – и это тоже ему нравилось. Даже драться за неё пришлось, хорошо, что всего раз – с каким-то недоноском. Больше никто не пытался её отбить, хотя Молчун был не самого первого ранга. Гаду тому он фейс хорошо подправил, даром что тот выше ростом. Ну, сантиметра на три, и кривой от выпитого, а сам он – трезвый как стекло

и очень злой. Она должна была достаться ему. Он заслужил тихую гавань, тепло и покой. И никаких больше скитаний.

* * *

На полу лежал пушистый ковёр, ещё один висел на стене. Это он сам повесил. И для тепла, и для уюта. Раньше так делали. Молчун такое видел на картинках и в фильмах. Хотя Анжела говорила, что это «колхоз». В их комнате было много разного декора, который она принесла. Назначения и даже названий многих предметов он не знал. Вон тот гибрид столика, шкафчика и зеркала в медной раме вроде бы назывался «трюмо».

На ковре, что на полу, мягком и с густым ворсом, его подруга любила иногда полежать. Но сейчас расположилась на диване, который почему-то звала тахтой. Отсюда ей был хорошо виден пейзаж за окном. Она, наконец, сняла плед, и парень с удовольствием смотрел на изгибы её тела и на рассыпавшиеся по плечам волосы, жалея только о том, что она оказалась одета не в бюстгальтер и трусики. И не в ту ночнушку, а в обычную пижаму.

Молчун был связан двумя запретами: Анжела говорила, что до свадьбы в полноценные отношения вступать ей нельзя. Спектр того, что она сюда не относила, был узок, хотя включал далеко не только поцелуи. Но нравов она была строгих... для Питера.

В деревнях-то до венца обычно только поцелуя допрочишься... не потому, что девушки сами не хотят, а потому, что у каждого батяни-крестьянина и дубина из черенка от лопаты, и ружьё с мелкой и крупной дробью. Хотя, говорят, на Кавказе с этим ещё хуже. Но от деревенской жизни обычно устают так, что мало чего хочется. Да и стареют рано. Вроде бы до Войны проще было с отношениями. Вон, в клипах тогдашних все полураздетые.

Но и её папаша был тот ещё тиран. Говорил, что его зять должен стать хотя бы сержантом и проявить себя перед городом. А иначе, мол, пусть идёт лесом, голодранец. Чем, интересно проявить? Убить бригадира Кирпича и привезти его башку? Или в карательном рейде сжечь десять бунтующих деревень и ещё одну бесплатно?

Конечно, Молчун говорил себе, что любит её, и не за эти изгибы, а за душу и характер. Сравнивая Анжелу с другими женщинами Острова, которых немного знал, он видел, что она – другая... Наверное, Толстой и Достоевский про таких писали... Трудно проверить, потому что их повести он не осилил – приключений маловато. Книг в комнате Анжелы в её отцовском доме было много. Странно даже, что старый бармен, который не выглядел любителем словесности, ей их натащил. Или она сама? Но Молчун читал не Толстоевского, а фантастику, а такого там не было.

Но Анжела, под стать своему имени, была пусть не идеальной, но всё же чище, чем те её подруги, которые хотели

выгодно замуж выйти и только об этом трепались. Иначе бы не полюбила чужака-нищebroда. Бродягу, но не такого, каких обычно обожают барышни. Не умеющего красиво и нагло говорить, пошлые шутки отпускать и песни петь. Хотя он прочитал ей несколько стихов. Не своих. Поэтов века, который почему-то называли «Серебряным». Свои у него не получались.

И уже через неделю знакомства она сказала ему, что никогда не оставит, потому что он, мол, ей послан судьбой. Это было приятно. Несмотря на гложащего изнутри червячка сомнения. Всё-таки Молчуну было не шестнадцать.

Ну как при такой чистоте и наивности она могла работать в «Сучьей норе?». Загадка.

Молчун повесил чёрную форму гвардейца в шкаф, и теперь на нём были выцветшая джинсовая рубашка и неопределённого цвета штаны. В них он когда-то и явился в Питер, разве что поверх была ещё куртка с капюшоном из дублёной кожи, сшитая из нескольких старых вещей, вкривь и вкось. Но прочная.

Пришёл к цивилизации, как он сам думал. К канализации, как оказалось на деле. Вонял Остров. Души тут у многих воняли, не тела. В общем-то, как везде. Но в таком месте, среди древних каменных палат хочешь чего-то иного. Хотя канализация здесь действительно имелась. И туалеты со смывом. Пусть и не у всех.

Жаль, что самые красивые достопримечательности на ка-

уфмановской половине острова. А то сходили бы погулять. Взять хотя бы Биржевую площадь. Или Стрелку...

Попасть туда можно, но замучаешься объяснять на КПП «союзников» цель визита. И пофиг им, что ты с дамой. Туристов нет, простые люди туда-сюда почти не ходят, только по рабочим делам.

Но из-за напряжённых отношений между магнатами, которые особенно обострились в этом году, хуже всего пришлось тем, кто на них работал.

Пока Молчун существовал сам по себе, было проще. Теперь же все знают, что он служит у Михайлова. Поэтому на восточную половину ему путь если не заказан, то осложнён. Может, пустили бы, но только за плату.

Жаль. По Большому проспекту погулять было бы милое дело, там мало населения и лавок, зато есть на что посмотреть в плане архитектурных чудес. Но он разделён почти пополам улицей с диковинным названием «18–19 линия». По левую сторону земля магната Михайлова, по правую – его заклятого друга Кауфмана. А на границе натуральный блокпост, колючая проволока и дежурят «еноты» с автоматами и овчарками.

Мзду не возьмут, как с простого мастерового, потому что это был бы скандал. Пропустят, но весь мозг вынут, а может и обыщут. Совсем не подходящая атмосфера для интимных прогулок.

Можно, конечно, пройтись и по набережной Макарова.

Но с Университетской набережной удобнее наблюдать Исакий, там же рядом виднелся шпиль Адмиралтейства. В хорошую погоду открывался красивый вид и на царский дворец Эрмитаж, в котором в революцию расстреляли тогдашнего царя со всей семьёй. Прямо там и убили.

Да, времена всегда были жестокие. И до Войны тоже. Всё это были такие древние довоенные древности, которые даже в голову не вмещались. Но Война была самым жестоким и страшным из того, о чём он знал. Водоразделом, который изменил мир. А всё, что было раньше, превратилось в эпоху легенд и сказок. В которые верилось с трудом, несмотря на кучу книг, газет и другой информации. Просто всё не укладывалось в мозг.

«Интересно, как жили тогда люди? Во что они верили? Каким представляли будущее? Что думали о том, как будут жить их потомки в 2075 году? Наверное, считали, что мы колонизируем Марс и будем летать по Вселенной на звездолётах». Он вспомнил одну свою знакомую и вздохнул. Мир – ужасное место.

Итак, на этом пятачке, ограниченном одетыми в камень проливами, существовало подобие государства. С центральной властью, денежными отношениями и каким-никаким порядком. Правда, порядок этот был такой, что не каждому понравится. С долговым рабством, соперничеством двух кланов и таким расслоением, при котором верхи жили как короли, а самые низы – хуже, чем снаружи. Здесь проживало

примерно двадцать-тридцать тысяч человек, по нынешним временам это много. Правда, не все из них считались полноправными людьми.

Остальной город, как и вся страна... как и весь мир – был погружён во мрак. И считался не городом, а диким местом, таким же диким, как тундра или болота. Там жили настоящие дикари, и тьму разгоняли только редкие костры, где если что-то и жарилось, то совсем не говяжья вырезка.

– Тебе не кажется, что это напоминает преисподнюю? – вдруг услышал Молчун голос Анжелы, который вернул его на грешную землю.

Прямо так и сказала. Не по-простому – «ад», а именно «преисподнюю».

– Ты просто не видела преисподнюю, – хмыкнул парень. – Ад... Ваш город скорее похож на мир, каким его видели древние. В центре, во Дворце и в Небоскрёбе – рай для избранных, для крутых. Здесь, где живут середняки типа нас, – чистилище. В рыбных сараях живут бедолаги-грешники. Это адище. А за Поребриком – тьма крошечная для тех, кого и за людей не считают.

Она ничего не ответила. Видимо, не нашла, что возразить.

– Там не рай, – наконец заговорила девушка, глядя на закат, сама похожая на модель для картины древних художников. – Не рай, а главный круг ада. Инферно. Где живут самые злобные демоны. Мне подруга такое рассказывала... Она служила в Небоскрёбе в комнате для удовольствий. По-

том умерла. Ей было лет, как мне сейчас. С ней такое делали, что наш Молот покажется котиком. Там демоны, а здесь живём мы... черти помельче. Ну а за Поребриком просто неприкаянные души. Но ада там нет. И многим там живётся даже лучше, чем здесь.

– Не верю. Я сам оттуда пришёл. И там такое же дерьмо. За очень редкими исключениями.

– Ничего себе. Твои слова... хоть ты и пытаешься казаться обычным мужланом... но ты не похож на своих товарищей, уж извини, – Ангела вдруг повернулась к нему, и её взгляд из-под полуопущенных век заставил его отвести глаза. – Откуда ты взялся?

Она задавала этот вопрос и раньше. Но теперь он был не риторический.

– Ты же знаешь, что с Урала, – ответил Молчун, тщательно подбирая слова. – Мне просто повезло. В нашей деревне было по-другому. Люди жили как люди.

«А не как звери».

– Ну конечно, – недовольно произнесла Ангела. – Это ты опять сказки рассказываешь, да?

И парень подумал, что она права. Всё, что было с ним в детстве, казалось сном.

Нигде в местах, куда он приходил после этого, не было того ощущения мира и покоя – даже не для него, чужака, а для своих. Между собой местные грызлись как голодные собаки за кость даже в тех случаях, когда было выгоднее дого-

вориться по-хорошему. Так было и в рубленой без единого гвоздя деревне под Тверью, где правил человек, называвший себя боярином и запретивший в своих владениях электричество. И в торговых городках на Волге, где преступников и попрошаек вешали на плотах и пускали вниз по реке. И в сёлах мордовских, чувашских и марийских, где пели песни на своих языках и молились раскрашенным пням в заповедных рощах (ну а ещё, говорят, кормили этих божков жертвенной кровью). И в мусульманских посёлках тоже. И в кочевых лагерях старателей, которые, как мухи, облепили все крупные развалины мегаполисов. Там всем было плевать на твою веру и народность, потому что было плевать на тебя.

И здесь, среди величественных дворцов и музеев, покрытых мхом и плесенью, рядом с которыми жила человеческая плесень разных видов, – вся эта детская память о порядке и уюте казалась полузабытым сновидением.

Так было везде. Только в книжках нужно защищать слабых от сильных и злых. В жизни, чтобы преуспеть, нужно бить слабых и заискивать перед сильными. И здесь, в цивилизованном месте, это проявлялось только ярче.

А может, не так всё хорошо было и дома? Может, отец и дед действительно в последние годы подмяли под себя посёлки, совсем как товарищ Богданов подмял Сибирскую державу, а товарищ Уполномоченный – свою Орду?

Почему этот Гришка-старьёвщик помог захватчикам и попытался их убить?

«Потому что ублюдок, – в очередной раз сказал себе Саша (таким было его настоящее имя, Молчуном он стал только здесь). – Не ищи сложных объяснений, когда есть простые. Это называется бритвой Оккама. И она нужна, чтобы отрезать все лишнее».

Нет. Отец и дед были хорошими людьми. Потому и были уничтожены, растоптаны. Были... были...

Да пропади всё пропадом! Будь прокляты те, кто его всего лишил! Он обязательно с них спросит за всё, даже если придётся ждать ещё пять лет. Он давно понял, что месть не имеет никакого отношения к справедливости. Она – просто способ напомнить кому-то, что он был неправ. Сильно неправ. Напомнить, даже если при этом заработаешь и свою пулю.

«Лучший способ отомстить врагу – не быть на него похожим», – говорил дед.

Чушь. Лучший способ – это сварить его медленно в кипятке или распять на столбе с перекладиной для ног. Или закопать живьём в землю, или скормить крысам, или посадить на муравейник в степи, все кости переломав.

Да, за эти годы он понял, что мир гораздо сложнее, чем он представлял, живя на всём готовом, как наследник вождя горodka Прокопы. Что в нём есть гораздо больше серой краски и полутонов, что бал в нём правят потребности и интересы людей в условиях ограниченных ресурсов, которые заставляют их грызться как зверей в тесной клетке. Что по отдельности почти все... не плохие. Понял, что человека формирует

среда, а не человек – среду. Он сам был тому живым доказательством. У него была и кровь на руках... причём не только тех, кто когда-то причинил ему боль, и гарь от сожжённых домов, впитавшаяся в подошвы... Магнаты ещё имели совесть называть эту операцию «Санация» и рекомендовать им тогда не убивать никого без необходимости.

«Сами зимой замёрзнут», – говорили они.

Но, чёрт возьми, он каждую секунду понимал, где и когда был неправ! Понимал, что это не его война. И нарочно стрелял мимо, а одного из этих «оборвышей» (что за мерзкое слово), которого ему поручили довести до оврага и вышибить мозги, – просто отпинал как следует и отправил в лес бегом. Хотя могли увидеть. Тряпку в бензине не мочил, а мочил в луже, когда никто не смотрел.

И если у него появится выбор... оставить эту жизнь и начать новую... он уйдёт, не задумываясь. И гори они все, эти хозяева и бандитские бригадиры, элои и морлоки.

Вот только уйти можно одному. А не с той, за кого отвечаешь. Значит, лучше ничем себя не связывать.

К тому же недели шли, а у него было всё больше сомнений. В её чувствах. Не в своих. Насчёт своих-то всё ясно... он знал, что такое долг, и умел быть ему верен.

Наверное, размышления отразились на его лице, потому что Анжела нахмурилась. Она не любила, когда он погружался в себя. Усилием воли Младший (так его звали в прежней жизни) разгладил морщины на лбу, развёл сведённые брови

и стёр с лица отражение внутренней бури.

Он давно понял, что распространяться про своё прошлое надо поменьше. Про то, где его звали Александр Данилов-младший, а не Саша Подгорный, как он записался в городской ратуше. Хотел и имя себе взять другое – Иван, но, даже желая порвать с прежней жизнью, понимал, что будет путаться и ошибаться. Впрочем, и насчёт фамилии иногда жалел. Но это было первое, что пришло ему в голову. Название погибшего города, который был раньше центром первого возрождённого в Сибири после Войны государства.

Обычно в нём сразу же опознавали чужака. Мало кто путешествовал сейчас на большие расстояния. Да ещё и в одиночку. Люди обычно проживали всю жизнь на одной улице и знали всех соседей.

Посторонний сразу привлекал внимание. А ну, с какой целью ты сюда припёрся? Вдруг вор, лазутчик бандитов, а может, просто какую заразу принёс?

Ещё его выдавало произношение. Чем дальше на запад он перемещался, тем сильнее было это заметно. Он сначала пытался выдавать себя за местного. А потом начал просто везде говорить, что он с Урала. Там почти никто не жил, туда никто не ездил, поэтому никто и не мог проверить.

В ВОлОгде кОрОва дОёт мОлОкО». Да, примерно так и говорили в землях большой реки.

А на юге звук «г» произносили как что-то среднее между «к» и «х». Сколько он ни старался, у него так не получалось.

И гласные там произносили по-другому, более певуче.

А многие выходцы с гор тот звук, который дает буква «е», не смягчали, а произносили «э»: «рэж», «пэй», «мэдвэд». Хотя и не похож он на горца, даром что темноволосый и нос с горбинкой.

И здесь, в Питере, своё произношение. У стариков – вычурное и даже смешное для его уха. У молодых – вроде слова попроще, но тоже странный выговор. Дед говорил об этом лингвистическом явлении – о том, что диалекты расходятся, когда их носители разделены географическими преградами. Будь то море или горная цепь. Или просто непреодолимое расстояние. Раньше страна была одна, были поезда и самолёты, и школьная программа общая. А теперь, мол, ни транспорта, ни школ, ни университетов, ни телевизора. Хотя про последний дед сказал: «Вот уж о чём жалеть не буду».

А о Сибири тут ничего не знали. Для них она была так же далеко, как Луна.

* * *

Их называли «магнатами». Это слово на латыни означало просто «больших людей». Но у Младшего в голове оно почему-то связывалось со словом «магнит». Как магнитом они притягивали к себе богатство и людей, которые были готовы им служить. Таких центров притяжения в Питере было два. Восточная часть острова контролировалась людьми

Кауфмана. Западной правил Михайлов. Погоняла у магнатов отсутствовали. Обоих величали по фамилиям или имени-отчеству. Они были выше собачьих кличек, несмотря на все традиции старой-новой Столицы.

Когда сбережения в виде патронов, вяленого мяса и ценных вещей на продажу подошли к концу, Младший пошёл служить соправителю Острова Питера – за кров и пищу так же, как когда-то воевал за свой род и честь. Бросив монетку, он выбрал Михайлова. Все говорили, что хрен редьки не слаще, и магнаты как братья-близнецы, хоть внешне у них не было ничего общего. Кауфман носил очки в позолоченной оправе и галстук, а ещё коллекционировал произведения искусства. Михайлов был груб и прям, как топор, имел огромные кулачищи с татуировками на пальцах, носил спортивные костюмы из дорогих тканей, сшитые его личным портным, и золотые цепи, да ещё пиджаки, не только чёрные, но и почему-то красные. Говорили, что одевается таким образом хозяин не просто так, а чтит традиции довоенной братвы. Может, и хорошо, подумал Младший, что он выбрал зло отталкивающее, не строящее из себя что-то благородное.

«Наш заступник», – так Михайлова называл Червонец, владелец трактира «Барсучья нора», где за умеренную плату можно было получить полный пансион, включая кровать, а за отдельную плату – и живое приложение к этой кровати. Но статус борделя хозяин гневно отрицал: «У нас приличное заведение, хотя и с баней, сауной и номерами. У нас даже в

азартные игры не играют!».

В городе действительно были места более злачные, грязные и опасные, доход от шести «девочек» не был главным для трактира, а в покер и «однорукого бандита» в «Сучьей норе» (как называли иногда это место, причём и завсегдатаи, и недоброжелатели) действительно играть было нельзя, потому что иначе хозяину пришлось бы доплачивать Михайлову дополнительную мзду.

И неудивительно, что к «заступнику» здесь относились с пиететом, иногда обслуживали и кормили его людей бесплатно. Хотя сам магнат этого не одобрял. «Пусть раскошеляются, сукины дети. Я им достаточно плачу, чтоб они могли позволить себе и жаркое из тузика, и койку, и девку», — якобы говорил он Червонцу. Но проверить было невозможно. Какой дурак его спросит?

Зато бизнес был под защитой. Заведение находилось в П-образном хорошо сохранившемся высотном здании со странным уступчатым фасадом, где использовались только нижние четыре этажа. Там были несколько магазинов разных товаров и ещё пара питейных заведений похуже, где подавали ерунду типа пирожков и пышек. Ниже классом. Причём «Сучья нора» вместе с ночлежкой находилась там, где располагался ресторан ещё в довоенные времена.

Плюс этого монструозного здания был в том, что оно стояло близко к подножию Небоскрёба, и обе высотки взаимно прикрывали друг дружку, увеличивая простреливаемую

с верхних этажей территорию.

Даже если по каким-то причинам нельзя было бы воспользоваться машиной, случись что, ГБР – группа быстрого реагирования, самые крутые головорезы Михайлова – примчались бы к трактиру на своих двоих, только перейдя двор. «Гопобыдло распальцованное» – расшифровывал эту аббревиатуру старик Денисов, но он жил на нейтральной полосе и явно имел «крышу», поэтому их не боялся. А остальные боялись до кондрашки.

Когда забуянили караванщики, а Молот не смог справиться своими силами, люди Михайлова были тут как тут через две минуты после того, как хозяин «Норы» нажал на тайную кнопку под прилавком. А когда была большая драка с «енотами» – то наряд и вовсе прибыл даже без звонка; просто наблюдатель с пятого этажа Небоскрёба засёк в бинокль, что начинается замес, и уже берутся за ножи. Приехали крутые ребята с бейсбольными битами, помповыми ружьями и в бронежилетах, почти не заметных на мощных торсах. Ружья не понадобились – «шкафы» одними битами вынесли крошек-енотиков, хоть те и вели родословную своего отряда от древней частной военной компании. Отправились на мостовую зубы пересчитывать.

Но у всего есть своя цена. Была она и у защиты. Первого числа каждого месяца хозяин «Барсучьей норы» лично заносил ежемесячную дань хозяину Небоскрёба.

Надевал лучший костюм и, приняв для храбрости стакан

коньяка, шёл. Один, без своего дуболома Молота – в чёрную пасть ворот Небоскрёба. С ним иногда был только горбатый носильщик Игорёк, который нёс за владельцем трактира тяжёлый мешок. Но он не мог нормально рассказать, что там внутри, потому что его язык был отрезан ровно наполовину – так что он мог только мычать и гугукать. Вроде бы это сделали «еноты».

Да и тот нёс мешок только до лифта. К Михайлову барыги поднимались исключительно в одиночку.

Свои монеты в качестве подати в Небоскрёбе не принимали. Хотя требовали, чтобы их подопечные использовали эти металлические кругляши во всех остальных сделках. Но «налог на воздух» надо было платить «ликвидом»: патронами, золотом, серебром и платиной, редкими раритетными вещами, стволами и даже бронежилетами. Такова была гибкая «налоговая политика». В Небоскрёбе всё оценивали сами, и не стоило пытаться впарить им фуфло.

Монеты города, которые магнаты чеканили совместно, были не у всех посетителей. Чем только не расплачивались в баре – и всё принимал счетовод и бухгалтер Червонца, одноглазый Абрамыч, по совместительству работавший барменом (и баристой, как он говорил). Смешное слово, будто имя «Бориска», которое носили цари и президенты. На самом деле отчество у него было – Андреевич. Но почему-то прилепилось такое имечко, хотя он был русский. Это и был отец Анжелы. Ехидный и склочный мужик в годах, вдовец. Дру-

гих детей у него не было, вроде бы поумирали.

Когда его спрашивали, что за зверь такой – «бариста», – он отвечал, что это «кофейный сомелье». Пояснение, которое любого могло запутать ещё сильнее... Но он действительно варил похожий на кофе напиток из цикория и ещё какого-то растения. Младший иногда его заказывал, хотя сослуживцы над ним посмеивались и говорили, что мужикам прилично пить только то, что горит, а не такую бурду, которую впору пить только бородатым хипстерам. Вроде бы это словечко было ругательным, хотя бородки на Острове многие пижоны носили.

Возвращался назад Виталий Евгеньич, прозванный Червонцем то ли за скупость, то ли за сияющую лысину, которая кому-то показалась смахивающей на довоенную десятку, всегда без мешка, но с дёргающимся глазом. Тут же напибался в дым, и до середины следующего дня его нельзя было беспокоить.

Конечно, трактир был не рестораном класса люкс (да кто их видел-то?). Всё, что могло облупиться и потрескаться в интерьере, облупилось и потрескалось. Но под крышей его было тепло, сухо и относительно чисто. Сюда приходили выпить знаменитого пива и поразвлечься даже бойцы конкурирующего клана – «еноты». Раньше им разрешалось. Хотя это часто вызывало проблемы. Сам факт, что в барсучью нору заходят коты и еноты, чтобы набухаться и подраться, уже давно не вызывал шуток и анекдотов, которые давно всем

надоели.

Впрочем, «еноты» теперь заходили сюда нечасто, с тех пор как троим из них тут хорошо вломили. Червонец был этим недоволен, потому что терял доход. Но поделаться ничего не мог.

Магнаты жили в состоянии холодного мира. Они никогда не воевали – поди, не Монтекки и Капулетти, – но часто ссорились.

«Друг без друга им никак, нашим хозяевам, – говорил Абрамыч, протирая бокалы, висящие ножками вверх в специальной стойке, – У одного – рыболовецкие сейнеры, у другого – холодильные камеры. У одного – уголь, мазут и смазочные материалы, а у другого – паровые машины импортные и портовый терминал. Поэтому и не воюют, хотя раньше, при их предшественниках, всякое бывало».

Но драки между наёмниками одного и другого, вместе составлявшими гвардию, вспыхивали регулярно, почти как у *Дюмы*, который про мушкетёров писал. Гвардейцы Михайлова звались «бойцовыми котами». Мало кто знал, откуда это название пошло (хотя Младший как раз таки знал и удивлялся, что в окружение неотёсанного бычары мог затесаться кто-то из читавших Стругацких).

Гвардейцы Кауфмана назывались «енотами». И вот тут-то различий быть не могло – каждый ребёнок в Питере знал, что ещё до войны была такая контора, где служили так называемые солдаты удачи, воевавшие за звонкую монету там,

куда их посылали. Хотя сами они говорили, что деньги брали только от хороших нанимателей. Может, и так.

Видимо, кто-то из них пережил даже Катаклизм и сумел адаптироваться в новом мире. Но в городе, культурной столице, не осталось никого, кто мог бы рассказать об этом периоде в жизни конторы, а все её ветераны давно поумирали. Как бы то ни было, «енотов» боялись и уважали не столько за прошлое, сколько за то, чем они являлись сейчас.

* * *

Похожее на сундук здание Новой биржи, чьей достопримечательностью были широкие солнечные панели на крыше (говорили, что они функционируют) и зелёное остекление, которое восстановили после Войны, одно из самых высоких на острове, – стояло прочно и надёжно, угрожая спаренными зенитными пулемётами всем незванным гостям. Говорили, что его мощный фундамент опирается прямо на скалы, которые лежали глубоко под здешними болотами и торфяниками.

Построенные из железобетона стены громоздились уступами. Стёкол в окнах не доставало – целиком были застеклены только четыре этажа, где жил и принимал посетителей магнат и квартировала его дружина и прихлебатели.

Зато место было удобное. Хорошо простреливалось пулемётами из «сундука» пространство в три стороны. С восто-

ка и юга от него были пустыри – раньше на их месте тянулись скверы, давно уже вырубленные, а все небольшие здания там снесли под ноль после того, как они частично сгорели в пожарах. С севера площадь Собчака отделяла Небо-скрёб от тяжеловесного здания Дворца Культуры имени Кирова, где тоже был опорный пункт михайловской братвы. Кто такой Собчак? Говорили, это был великий человек, большое влияние оказавший на судьбу России.

А с запада как раз стояло уродское П-образное здание с ресторанами, с крыши которого и с верхних этажей было удобно вести огонь по наступающим врагам. Поэтому там был постоянный пост «котов».

Бармен не преувеличивал. Михайлов контролировал добычу и переработку рыбы, а Кауфман занимался хранением и торговлей, у него было несколько больших кораблей, а значит, он мог перевозить грузы куда хотел по всей Балтике... хотя на самом деле, наверное, далеко перевозить смысла не имелось. Болтали портовые докеры, что часть рыбы перегружалась норгам или шведам, которые приплывали не за ней, а за другими грузами. Какими именно, Младший не представлял. В байки про то, что продают детей, он не верил. Такого добра везде хватает, в любой деревне. А в городе было много вещей более ценных, чем чья-то жалкая жизнь. У иностранцев корабли были ещё больше.

Восточный магнат раньше обитал в огромном каменном дворце на Стрелке (звучит как место для сходов, но их там

вроде никогда не устраивали). В том самом, где на фронто-не Нептун с двумя нимфами-реками. Но после налёта ватаги бригадира Самосвала, самозванного то ли царя, то ли князя оборвышей, последней крупной атаки на город, магнату пришлось переехать в другое здание, попроще, но подальше от береговой линии – один из корпусов Санкт-Петербургского университета. И теперь по старому адресу жили летучие мыши и обычные крысы, а это здание именовалось «Дворцом».

Западный магнат, Михайлов, предпочитал не исторические здания, а построенные незадолго до войны «небоскрёбы» (их так звали, но по факту, как говорили дотошные старожилы, до настоящих небоскрёбов им как до Луны). И ему тоже пришлось поменять одну высотку на другую, когда та вдруг весной начала рушиться. Именно так он переехал со всем двором в здание Новой Биржи. И хотя эти новостройки были возведены на сто или на двести лет позже облюбованных Кауфманом дворцов, все сходились на том, что и там, и там одинаково неуютно.

«Всё это понты. Жить удобнее в небольшом доме у самой земли, а не в этих палатах», – говорил Сашке кореш Андрюха, который несколько раз нёс дежурство в магнатских покоях. – Холод зимой там собачий. А от того, что обогревают только крохотную часть здания, заводятся и грибок, и гниль, и всё такое».

При этом все знали, что трения между Небоскрёбом и Дворцом есть, и немаленькие. Блеснула оптика под козырь-

ком одной из крыш соседнего корпуса, где было чердачное окно. Это «наружка», наблюдательный пункт «бойцовых котов». Или снайпер, или разведчик с биноклем. Можно помахать ему рукой, но вряд ли он будет рад. Наверное, кто-то из молодых, раз его так легко оказалось обнаружить. Толкового Александр никогда бы не засёк.

Охраняют даже западный берег острова – где только бескрайняя гладь Финского залива. Оборвыши могут проплыть и в обход вдоль берега. Где-то там Кронштадт, и одно время там тоже была база каких-то отморозков, которые поставили пулемёты и надумали брать «пошлину» со всех, кто плыл хоть туда, хоть обратно. Но потом гнездо этих «ушкуйников» взяли десантом с кораблей и выжгли из огнёмётов. А нефиг мешать торговле культурной столицы с партнёрами!

Младший не знал, сколько наблюдательных пунктов рассыпано по Острову. Но видел, что относятся к этому магнаты серьёзно. Вот вроде бы привыкли на всём экономить, но на это не скупятся. Хотя, скорее всего, эти точки нужны не столько для отражения штурма, сколько чтобы оповестить о внезапном нападении. А дальше уже подтянутся основные силы.

Всего магнаты могли мобилизовать человек по шесть-сот-восемьсот каждый. Из них человек по сто – их личная братва, а остальные – гвардейцы наёмных отрядов. Были ещё и рыночные и портовые стражники, и даже канализационная стража, но эти немного в стороне, формально ими управля-

ла Ратуша, а по факту – магнаты совместно. Ещё меньше доверия было ополчению из горожан, которое существовало только в виде списков. Сами же магнаты и опасались давать простым людям хоть что-то стреляющее. Только на совсем крайний случай держали эти списки «добровольцев».

– Пошли на балкон, – внезапно предложила девушка, потягиваясь, как кошка. – Мне душно. Посмотрим на закат.

Душно ей. Холод собачий! И какой закат ночью? Солнце скрылось. Можно сказать, до рассвета уже не так далеко.

«Проклятье! – подумал Младший. – Любительница романтики...»

Он, хоть и вырос в суровом краю, холод совсем не любил. А ещё не любил высоту. Но на балкон, куда они открыли дверь, повернув ключ в замке, Александр всё же вышел.

Снаружи было прохладно... это ещё не сказать ничего. Они накинули куртки, и всё равно «свежий» ветер пробирал до костей. Анжела села на стульчик у самого края, хотя вместо перил было одно название. Младший опасливо подошёл. Ему было страшно за неё, да и у самого голова кружилась. Камешек отвалился от старого балкона, и в тишине ему послышалось, что тот далеко внизу с бульканьем упал в лужу.

Весело, ничего не скажешь.

Младший положил подруге руку на плечо, коснулся её светлых, точнее, осветлённых волос – и мягко, но настойчиво пересадил от края подальше, сам сел рядом на пол. Жут-

кая мысль пришла ему в голову. Он подумал, что понимает чувства того, кто начал Войну. Власть над жизнью и смертью – страшная вещь. Крохотное усилие – и чудовищная перемена. Один росчерк на бумаге (или на чём там они писали приказы?) – и миллионы живых людей пошли в огонь. Кто-то с радостью, если дед не врал, кто-то вынужденно. Но все пошли.

Хотя даже если бы не пошли... Почти все уже умерли бы от старости. Время всех уравнило.

Вот что будет, если они сейчас свалятся? Их знакомые и свидетели падения придумают какую-нибудь глупость про ревность или неразделённую любовь. Или про то, что они накурились той дряни, которую продают на рынке в палатке чёрного цвета гости с юга или востока. Накурились и решили, что могут летать как птицы. Никто не подумал бы, что это нелепая случайность. Конечно, им-то уже будет все равно... Там, внизу, асфальт и острые обломки шифера, а высота чудовищная. Даже упав в лужу, которая не высохла ещё после весенних дождей, разобьёшься к чёртовой матери.

Смерть – это действительно конец боли. Даже если боли уже нет, а есть только безразличие, за которое иногда стыдно.

Откуда такие мрачные мысли? Вроде всё хорошо... Нет ни голода, ни холода, есть крыша над головой. Можно не волноваться о будущем. В кои-то веки оно стабильно, хотя и не очень светло. Тысячи людей ему бы позавидовали. Хотя, ко-

нечно, он так и не приблизился к той цели, которую поставил себе несколько лет назад. Но она всё больше казалась ему невыполнимой.

– О чём ты думаешь? – спросила девушка.

– Да так. Ни о чём.

– Нет, я вижу, что ты загруженный. Колись, – стукнула она ногой по перилам. – А то обижусь.

– Я думаю, как много в жизни зависит от случая. Как одна секунда может поставить крест на всём, что было раньше.

«И ещё о том, что это место не самое хорошее для того, чтобы обзаводиться семьёй. А служба в гвардии города Питера – не самое лучшее, чем я занимался в своей жизни... а ведь я многим успел позаниматься».

– О, – она посмотрела на него, и ему почудилось, что на секунду вернулась та теплота, с которой она смотрела на него в их первые недели. – Я понимаю. У меня в жизни тоже так бывало.

Отсюда вид открывался ещё лучше, чем из окна, и они смотрели на город каналов, город шпилей и каменных дворцов, который именно в закатные часы был больше всего похож на сказочное царство, где просто обязаны обитать демоны, ведьмы, драконы и домовые.

Разве мог он подумать, что попадёт сюда? А ведь он много слышал и читал про этот город... Где-то здесь жил Раскольников, который старушку убил топором. «А после пошёл за пивом».

Проходя по этим улицам, хотелось насвистывать под нос стихи вроде: *«Я люблю большие дома и узкие улицы города. В дни, когда не настала зима, а осень повеяла холодом. Пространства люблю площадей, стенами кругом ограждённые. В час, когда ещё нет фонарей, а затеплились звёзды смущённые. Город и камни люблю, грохот его и шумы певучие. В миг, когда песню глубоко таю, но в восторге слышу созвучия...»*

«Но это не город из моих снов, – подумал Младший. – Нет».

Хотя он и не такой уж плохой, этот город. У него есть своя душа, даже если она черна и изломана. А где-то души совсем нет. И люди здесь не так уж плохи. Простые-то горожане не виноваты ни в чём. Как и простые «оборвыши», которых ихние бригадиры обдирали как липку и гнали как стадо на прорыв, на пулемёты магнатской гвардии. Те так и называли своих опытных бойцов – «пастухами», а новобранцев – баранами. И явно надеялись, что рано или поздно все жертвы окупятся добычей от разграбления этой потрёпанной шкатулки с драгоценностями.

Семь мостов когда-то связывали Остров с Большой землёй. Два из них, когда-то бывшие частью большой дороги под названием «ЗСД», были разрушены и затоплены во время взрыва большой бомбы.

Ещё один, Тучков мост, разрушился лет через пять после Великой войны, но до нового заселения. Четвёртый, под названием Дворцовый, повреждённый, подорвали намеренно

при самых первых правителях, чьи имена уже ушли в область преданий – для проезда автомобилей он не годился, но пешим порядком по нему можно было проходить. Так вот, чтобы кто попало не шастал, его и взорвали. А три оставшихся, удобно расположенных, гвардейцы стерегли как зеницу ока, выставив по два кордона. Ещё была паромная переправа, но ею пользовались только эпизодически. Ну и конечно, лодочки. Уследить за ними проблематично, но массовых налётов... да и массовых побегов... Остров давно не знал.

Знаменитые разводные мосты Питера... Из оставшихся именно Благовещенский был разводным. Он когда-то так хотел их увидеть. Думал, дурачок, что они ещё работают. Думал, что их разводят вручную, крутят какие-нибудь ручки, шестерёнки вращаются, и они расходятся. Думал, что выражение «развести» в значении «обмануть» происходит именно от питерских мостов.

– Мне здесь нравится, – сказала Анжела.

– А упасть не боишься? – спросил он.

– Нет. Я с детства лазить училась. Иногда надо было залезть в такие окна, куда иначе было не пройти. Ну, чтобы найти там какую-нибудь полезняшку. Я худенькая была. Пролезала под любые завалы и доставала, что надо. А потом делилась. Хотя всегда хотелось сразу все слопать самой... Когда стала постарше, эта лафа закончилась. Сиськи выросли... и вот здесь по бокам тоже. Уже не пролезаю.

Это, конечно, было кокетством и преувеличением. Не на-

столько много и выросло. В меру.

«Но тогда ты уже могла бы зарабатывать на хлеб по-другому. И для себя, и для больной пьющей мамыши, и для младшего братца. Странно, что ты не пошла по пути других смазливых девчонок, думающих “от меня не убудет”. Хотя без защиты со стороны Абрамыча хранить непорочность ты бы не смогла. Что он такого в тебе разглядел? То же самое, что и я? Но почему тебя не обижает Червонец? Ведь он тупой жлоб, который умеет только хапать всё, что попадает в поле зрения его маленьких глазёнок. А уж такую ягодку мимо своего рта он и вовсе не мог пропустить».

Наверное, бармен сказал хозяину что-то основательное, и тот не лез к его новой дочке.

Младший знал, что сколько-то лет назад бойкую веснушчатую девчонку, продававшую жареную корюшку с лотка, заметил на пристани Абрамыч и сманил работать в трактир официанткой. Сначала просто за еду (сильно пьющая мать-одиночка с радостью сбросила на других «лишний рот»), потом ещё и для родных кое-что стало оставаться. А потом Абрамыч и вовсе принял её в свою семью. Работу она выполняла хорошо, внешность имела приятную, гости её хвалили и иногда давали «на чай» (а на чай получать гораздо лучше, чем на орехи).

Вроде бы это сам Червонец потребовал от неё осветлиться. «Будешь, детка, блондинкой как Мерлин Мурло. Это типа такая актриса была». Она не отказалась. Но никаких

«отдельных услуг за отдельную плату» она не оказывала. И любовницей хозяина, по её словам, тоже никогда не являлась. Бармен Абрамыч был уважаемым человеком в районе и имел, судя по всему, хорошие знакомства. И тот, кто рискнул бы обидеть его приёмную дочь, нарвался бы на неприятности. Даже Червонец, хоть он и был уменьшенной копией магната Михайлова – чуть пониже, чуть потрусливее, поэтому и правил только своей «норой», а не половиной острова. И денежки у бармена тоже, видать, водились.

В общем, женитьба на Анжеле позволила бы Александру немного подняться в городской иерархии. Хотя бы приблизиться к её середине. Но разве это то, чего он действительно хотел?

* * *

Стемнело окончательно, фонарей поблизости не было, и уже не разобрать, что происходит внизу. Стало совсем холодно, и они уже собирались уходить с балкона.

Когда Сашка жил в Прокопе, дед рассказывал ему, что в Питере бывают белые ночи. Но дед ошибался. Даже 21–22 июня, когда ночи самые короткие, они здесь всё равно есть. Буквально на пару часов темнело, но всё же это была самая настоящая ночь.

Похожая на гигантский обломанный клык башня «Лакта-Центр» уже была почти не видна. Днём она доминировала

над ландшафтом – памятник довоенному величию и гордыне. Анжела рассказывала, что сама она не решалась подниматься на вершину, но один из её прежних дружков залазил на самую макушку и забирался даже на погнутые балки, как раз в том месте, где башня переломилась пополам во время Бомбы.

Питер пострадал сильно, не меньше чем Прокопа – но не настолько сильно, как Москва или большинство других крупных городов, типа Новокузнецка, где камня на камне не осталось, один только шлак. Часть города просто смыло волной цунами в залив, некоторые из высоких зданий рухнули от ударной волны, а некоторые районы так и стояли полузатопленные.

Далеко впереди в заливе виднелась цепочка ярких огоньков, которые медленно двигались на юг. Младший сначала даже не обратил на них внимания.

Внезапно они слышали звук, похожий на далёкий рёв морского чудовища.

Не сразу, но парень понял, что это гудок корабля.

– Смотри, там огни! – шепнула Анжела. – Это суда. Морские! Идут в порт.

«И голубь тюремный пусть гулит вдали, и тихо идут по Неве корабли», – вспомнил Молчун. Впрочем, тут корабли шли не тихо, а наоборот, гудели что есть мочи.

– Это чьи? – спросил он, приглядываясь.

– Это не наши, и не кауфмановские, – произнесла девуш-

ка, приглядевшись к огням. — У нас ни у кого нет таких больших кораблей. Может, это торговцы, а может, падальщики.

— Если торговцы, то рыбу везут? — предположил парень.

— Нет. Ты что, дурачок? Рыбу город не покупает, он её продает. А они приближаются. Торговцы везут нужные вещи, которые мы сами не делаем. И которых здесь не найти. Отец говорит, чаще всего запчасти для техники или редкие товары, типа чая и кофе. Ты же сам его пьёшь. Если это они, значит, завтра на рынке выбросят новые вещицы. Но это вряд ли торгаши. Ночью обычно у нас чужие не плавают. Фарватер незнакомый, боятся напороться брюхом на что-нибудь на дне. И прожекторы не у всех хорошие. А с берега светят только по договоренности. «Маяки». Скорее уж падальщики это. Но без добычи. Слишком быстро идут для буксировки. Наверно, пустые, неудачный день.

— Анжела — настоящий кладёзь информации. И Молчун вначале был в шоке от того, сколько она знает о жизни и тайнах Острова. А для неё это не сложнее, чем игры в куклы. Просто у неё хорошая память, и она запоминала все, что при ней говорили. А люди к её отцу приходили интересные. Например, капитаны торговых кораблей. Девчонки они не стеснялись, считая чем-то вроде глупой зверюшки, и рассказывали при ней не только пошлые анекдоты и истории, но и то, что могло заинтересовать городскую стражу. И вещи с кораблей приносили. Не задекларированные. А ведь магнаты, которые драли со всех три шкуры даже за воздух, с куп-

цов брали ровно столько, чтобы те не пошли по миру. Собирали «портовый сбор» за все, что на Остров ввозилось и с него вывозилось. Им бы эта самостоятельность не понравилась. Поэтому если бы Молчун вдруг захотел пошантажировать одного-двух контрабандистов, он бы мог этим заняться на досуге. Ан нет, он предпочитал жить скучно, но честно. Впрочем, закладывать купцов страже ему не с руки.

Гораздо интереснее сам факт того, что торговля по морю — хоть и хилая, но есть.

Кто такие «падальщики», Саша узнал уже через неделю, как сюда попал, потому что немного с ними поработал. Нет, не в море, а на берегу, в доках, на разборке. Это те же самые рыбаки, только ловили они не рыбу, а бесхозные корабли, которые на мели лежат. Сам металл корабельных корпусов обычно не использовали, но все ценные вещи, которые нельзя было снять прямо в море, снимали и откручивали в порту. Понятно, танкер бы не утащили. Но небольшие судёнышки тянули буксиром в порт. И не всегда на Остров, иногда в другие места. Раньше было много и дрейфующих судов, чьими капитанами и рулевыми были только море и ветер. Старики говорили, иногда они приближались прямо к берегу, будто причалить хотели. Но чаще просто разбивались о бетонные набережные и волноломы или пробивали днище о скалы и тонули. Теперь их осталось мало. Хоть и поговаривали, что где-то ходит по морям...

— Чёрный корабль, — вслух сказал Молчун. — С чёрным

экипажем, который проклят. Я такой фильм видел.

– И я видела, – Анжела нахмурилась, – Нет, я тебе серьёзно, а ты издеваешься! Призраки огней не зажигают и в гудок не гудят.

Ему было приятно видеть, как она злится понарошку.

Временами вместе с судами добычей ловцов становились ценные грузы из прошлого. Контейнеры с морских сухогрузов-контейнеровозов, которые запечатали еще пятьдесят лет назад. Иногда там были машины, иногда – другие интересные вещи. Чаще всего испорченные и насквозь ржавые. Но иногда внутри проржавевших контейнеров попадались товары в герметичной таре. Почти всегда бесполезные. Тряпки. Электроника. Украшения. Находили контейнеры, где внутри были люди, набитые, как огурцы в банку, вместе с какими-то скудными пожитками. Точнее, скелеты или высохшие мумии. Почему они не плыли нормальным пассажирским рейсом – было выше Сашиного разума.

Один из кораблей между тем снова загудел. Это было похоже на далёкий рёв раненого зверя-мастодонта.

– Это он предупреждает, чтобы убирались с дороги, – пояснила его подруга. – А то в прошлый раз пять человек насмерть раздавило. Тут с берега на берег даже ночью, бывает, плавают.

Младший знал. Ещё бы. Гвардия следила за безопасностью берега и постоянно гоняла этих мелких частных, которые занимались кто извозом, кто рыбной ловлей, а кто

просто поиском на дне ценных вещей, которые смыло туда Потопом. Но у тех, кто выходил в море ночью, могли иметься на это и более серьёзные причины. Например, та же контрабанда. Хотя бы оружия. Конечно, гвардия была бы только рада, если бы такие лодки отправились прямо на дно.

Но морской чужак здешних раскладов не знал и поэтому исправно предупреждал: «С дороги! С дороги! Я большой и разнесу вас в щепки, если вы не уберётесь к такой-то матери!».

– Да, это точно нерусские, – вынесла свой вердикт девушка, откладывая бинокль, – Не по-нашему огни расположены. Да и не стали бы наши гудеть. Раздавили бы этих тараканов на хрен корпусом, винтом перемололи бы. Даже царапины бы не осталось. Какие-нибудь финны. А может, шведы или норги. Все они с запада. Наши из Карелии тоже с запада, из-под Выборга. Или из Эстонии, там тоже почти наши, русские в одном городе. Но точно говорю, это норги. Кажется, этот большой пароход уже приходил прошлой весной... Гудок знакомый. А с ним вроде бы идёт парочка поменьше. Как конвой.

Не дожидаясь его реакции, она снова забрала бинокль. Взгляд у неё был намётанный, да и зрение лучше, чем у него.

Молчун знал, что раньше крупные суда ходили на дизеле и мазуте, а небольшие – на бензине. Но теперь таких почти не осталось. Бензин и дизель были так дороги, что гонять на них огромное судно, даже если при этом ловится ценная ры-

ба, было всё равно что бриллиантами печку топить. И даже ещё глупее. Поэтому на те суда, которые можно было переоборудовать, ставили паровой двигатель.

Вот и ходили корабли по старинке на угле («по старинке» для людей того поколения, а для молодых это выглядело чудом техники). Вроде бы таких верфей, где могли эту операцию проделать, на весь известный мир было три. И все они процветали. Хотя старики и говорили, что это не апгрейд, а «даунгрейд». Сашка этой фразы не понимал.

– А с востока не приплывают? – спросил вдруг он.

– Нет. Там льды. Только чукчи там. Но мы с ними не торгуем.

– Чукчи? Узкоглазые и с повозками на оленях или на собаках? Так они же, блин, на другом конце материка живут.

– Ты что, вчера родился? Ты сам чукча, кажись. Так давно уже в городе, а не знаешь. Их так просто называют! Они не настоящие чукчи. Я про тех тоже в учебнике читала. Эти не узкоглазые. Обычные, белые. То есть русские. Откуда-то ли из-под Архангельска, то ли из-под Мурманска. Но наших за людей не считают. Их ещё «полярниками» зовут. И не повозки у них, а катера. Ну и снегоходы тоже есть. Ближе их никто не видел, и никто ещё живым не вернулся, чтоб рассказать, как живут. И фоток их нету. Если сделаешь хорошие фотографии, тебе магнаты кошелёк золота насыплют. Да только ты не сделаешь. Я не знаю, дружат они с местными оборв... с местными деревенскими или тоже их гнобят.

Надо же. Даже это она знает лучше, чем он.

Младший слышал, что у Питера – то есть у Васильевского острова – существовала небольшая эпизодическая торговля по морю примерно с несколькими десятками городов, только в паре-тройке из которых говорили по-русски, хоть русский и не был там основным языком. Ещё он знал на уровне слухов, рассказанных в казарме перед сном, что магнаты города непонятно с чьей подачи пытались замутить политический и даже военный союз со своими партнёрами. Даже название «Новая Ганза» кто-то придумал, но оно не прижилось. Но, кажись, пока дальше разговоров дело не шло. Слишком разными были и сами города, и их интересы.

Ещё он понимал, что обитаемость побережья объясняется тем, что в море – рыба и есть возможность прокормиться чуть большему числу людей, чем мог прокормить континент с его хилым сельским хозяйством и охотой на собак, волков и зайцев. Крупная дикая фауна войну почти не пережила. По эту сторону Урала уж точно.

Далёкий хлопок заставил их обоих поёжиться. Где-то над морем блеснула вспышка.

Внезапно Сашка заметил ещё одну, чуть в стороне. Ему показалось, что к конвою, который был уже гораздо ближе, приближаются два других юрких огонька, поменьше. Да только они не светились ровно, как прожектор, а проблёскивали, слегка демаскируя в темноте того, кто шёл с погашенными бортовыми огнями. Это были вспышки от выстрелов

– то ли от автоматов, то ли от целого мелкокалиберного оружия. Точнее, двух.

Вот те раз. Должно быть, морские разбойники напали на мирные корабли. Прямо в пределах досягаемости порта. Это что-то новенькое. Кто это такие? Неужто у оборвышей появился флот? И где катера Гвардии? Почему не поднимают тревогу?

Младший вспомнил, как две недели назад объявляли общую тревогу оттого, что несколько самодельных ракет, запущенных оборвышами, упали в разных местах города.

Такого ещё не было. Бывали обстрелы – неприцельные, просто беспокоящие. Бывали и снайперские выстрелы. Иногда по окнам, иногда по патрулям. Дважды с того берега стреляли из пулемёта, скорее всего ДШК. Но ракеты, даже маломощные, нагнали на город страху.

Объявляли общую тревогу. Выли сирены. Правители даже забыли свои разногласия и отправили совместный отряд, чтобы прочесать прибрежную зону. Подозревали, что их встретит засада или даже встречный удар. Говорили, что за этим стоит сам бригадир Кирпич. Тот самый, который оставлял на стенах в материковом Питере свои подписи: «Здесь был Кирпичь». А может, он был мифом, ведь и прежнего жупела – бригадира Самосвала – никто в городе в глаза не видел, все слышали только, что он самосвалами трупы своих врагов в овраги скидывает. Но тот уже покойник.

Тогда совместный отряд островитян высадился на мате-

риковую сторону под прикрытием пулемётов с катеров. Одновременно по мосту прошли ещё две сотни защитников Острова. По тем дворам, рядом с которыми было предположительное место запусков, наугад дали несколько залпов из миномётной батареи. Но кулак ударил воздух. А осколки 82-милли-метровых снарядов раскрошили только старые кости. Прочесав несколько дворов старинных кирпичных зданий, построенных еще до Революции (это которую Ленин устроил), нашли лишь следы запуска – «тубусы» из водопроводных труб с чёрным нагаром, да следы пребывания двух небольших отрядов – отпечатки подошв, гильзы, кострища...

А через три дня прилетела ещё одна ракета, попав, то ли по случайности, то ли благодаря точности наводчика – прямо в Небоскрёб. Правда, взрыв был такой слабый, что никого не убил и даже не нанёс, судя по сведениям, которые просочились наружу, крупного ущерба: пара трещин в бетоне и вылетевшие стекла на фасаде.

Снова отправили отряд, хотя и не такой большой, и с преобладанием людей Михайлова, властелина Небоскрёба (Кауфман, наверное, тихо злорадствовал). И опять до огневого контакта не дошло.

Следующая ракета упала на Среднем проспекте, в промышленной зоне, которая в тот вечерний час была уже почти пуста. Опять никто не пострадал, только сгорела лавка то ли керамики, то ли стеклянных товаров. В общем, того,

без чего Остров мог обойтись.

На этот раз ограничились отправкой дозора. И снова он не встретил на своём пути никого.

Это была война нервов. И из-за неё одни из гвардейцев начали относиться к службе с пофигизмом («Эти дрищи не нападут, они только пугают»), а другие, наоборот, лишились сна, вскакивали от каждой вспышки и ждали чуть ли не ядерной бомбы по городу. Всё это не могло не сказаться на обороноспособности. «Что будет дальше, залпы артиллерии?» – спрашивали друг у друга и простые островитяне, и гвардейцы.

Понятно, что крупнокалиберных пушек у оборвышей не было.

Но всё равно беспокойно в граде Питере, ой беспокойно.

Того и гляди баланс, когда за обстрелами и налётами следует новый карательный рейд, – пошатнётся. Странно, что это противостояние, которое к моменту Сашкиного прихода длилось уже не один год, никто не додумался назвать Блокадой. Наверное, потому, что снабжение города пока никто перерезать не мог... или просто ещё не сообразил.

– Пошли под крышу, – сказал он Анжеле уже другим тоном, не терпящим возражений. – Хоть и далеко, а пулю можно словить. Да и замёрзла ты.

На самом деле замёрз он сам, но мужчине негоже в таком признаваться, особенно при женщине. Эти азы психологии он уже изучил.

«Даже если подышаешь от голода, жажды, жары или холода, бабе в этом признаваться нельзя, – как-то поделился с ним опытом один казарменный мудрец. – А то найдёт того, кто крепче. Такой уж у них, блин, иммунитет. Надо всегда быть мужиком, мля».

Он имел в виду менталитет. То есть мышление.

– Да, я замёрзла, – промурлыкала Анжела. – Это ведь ты должен согреть.

Вид у неё был скучающий, хотя она изо всех сил хотела выглядеть соблазнительницей. Но, как всегда, Младший позволил себе поверить этому маскарладу.

В обнимку они вернулись в комнату, налили ещё по кружке чая. Хотя чай, в общем-то, был только поводом, поэтому ему суждено было остыть в кружках на столе.

– Ну, иди ко мне, что ли, – произнесла Анжела, ложась на диван. – Даже если что-то нельзя, то многое другое... можно. Чем закончился морской разбой, они так и не узнали.

* * *

Время летело незаметно, а потом он внезапно вырубился так быстро, словно выдернули шнур из розетки. Видимо, как-то связано с гормонами. Природа считает, что ей виднее, когда и в какой ситуации мужчина или женщина должны быстро засыпать.

Будильника не заводил. Что-то изнутри, словно интуитив-

ный звонок, разбудило Александра. Сон был крепкий, без сновидений, но его как будто сдуло, когда он одним глазом взглянул на светящийся циферблат.

Без четверти четыре.

Младший хлопнул себя по лбу и подскочил рывком. «Ёксель-моксель! Встреча с Баратынским... В пять утра!».

И тут ещё не ясно, что вызовет больше проблем – что его поймают «еноты» или кто-нибудь из своих засечёт, как он встречается с «правой рукой» конкурирующего магната? Баратынский сказал, что проинструктировал только стражу Дворца, а добраться туда сталкер должен сам. Иначе какой он сталкер?

Чёртов подонок, гордящийся предками, которые якобы были дворянами, вычтет половину из оплаты, если он опоздает. И ничего нельзя будет сделать. Товар эксклюзивный. Никто его больше не купит.

А ведь надо еще пробраться в сектор Кауфмана, минуя все патрули. На нейтральной территории гадёныш встречаться отказался. Конечно, в основном стерегут береговую полосу, а не границу между владениями. Но нарваться можно. И тогда ещё неизвестно, как удастся выкрутиться. Убить не убьют, но морду помнут и груз заберут себе. После последних трений магнаты порешали, что их бойцы не будут ходить даже в увольнительную на «чужой» территории в комендантский час. Да и днём ему тут были бы не рады.

Чертыхнувшись, Младший свесил ноги с дивана и начал

надевать и зашнуровывать ботинки.

– Ты куда собрался, любимый? – услышал он голос Анжелы, и увидел, что она приподнялась на подушке. Надо же, как чутко она спала!

– Есть одно дело, не терпящее отлагательств, солнышко.

Глава 2

По горячим следам

2069 год, где-то в бывшей Новосибирской области

Дозор вернулся в лагерь утром, когда снежные вихри бушевавшей всю ночь бури уже улеглись, оставив после себя в напоминание только лёгкую позёмку.

Группу встречали сдержанными кивками. В прошлом осталось то время, когда каждое столкновение с врагом казалось редким героизмом. Война уже становилась рутинной. Хотя прошло-то всего ничего.

– Колотун, Саня, докладывайте вы главному, – сипло приказал Семён Плахов, пригибая голову, чтобы пройти через порог низкой избушки. – Вы всё видели. А я устал, как сволочь. Да и голос пропал.

Командир звена снял лыжи, вытряс в сених снег из валеков и уселся поближе к ещё горячей «походной печке» из большой кастрюли, найденной здесь же. Топливом служили сухие ветки. Дымоход был выведен в окно. Обычные печки тут были в каждом доме, но Пустырник запретил их использовать, потому что дым из труб выдал бы отряд всем желающим.

Семён тут же уснул, сидя. Пару-тройку часов он может подремать. Потом проснётся сам, без будильника. Похоже, его

слабость была вызвана осложнениями после недолеченной простуды. Тогда, в сентябре, во время преследования «сахалинцев» возле Новокузнецка, каждая минута промедления угрожала смертью пленникам из Кузбасса.

И если он попросил пару часов отдыха, значит, реально валился с ног.

Пришлось рассказывать за него. Конечно, главная роль тут была отведена косноязычному, но куда более опытному и наблюдательному Волкову. Но иногда и Александр вставлял слово-другое. В другое время Санька раздулся бы от гордости от доверенной ему роли, но сейчас это чувство осталось где-то далеко. Голос его был чуть хриплым от холода, когда он от-тарабанил вначале краткую суть:

– Это отставший арьергард. Их человек семьдесят. Не местные. Приказов не получали почти три недели. Радио у них сломалось, не могут его починить. Пьют и местных обижают. Настроение у них на нуле. Говорят: «Нас забыли».

– Не забыли. Ой, как не забыли, – боец-ветеран Волков по кличке Колотун, с рукой, напоминающей варежку из-за сросшихся пальцев, оскалился. Усмешка его щербатого рта казалась зловещей. Но даже она не могла сравниться с тем выражением, которое было в глазах у сына погибшего вождя. У того взгляд был просто страшный, настолько он «не шёл» молодому парню, который вдруг за несколько недель стал старше лет на пятнадцать.

– Откуда сведения? – строго глядя на них, спросил Пу-

стырник. Командир отряда сидел на походном стуле и доку- ривал папиросу из трофейного табака. Эту привычку вдыхать дурно пахнувший дым Сашка и раньше за ним замечал, хотя его отец курил больше – и такие штуки, и трубку. Впрочем, самосад нормально вызревал далеко не каждый год.

– Допросили «языка», – объяснил Волков.

– А что с ним потом сделали?

– Языковую колбасу, – ответил уже Данилов.

В этом слове Сашка поставил правильное ударение. Это- му его научил дед. Правда, дед забыл научить его резать жи- вых людей ножом, как колбасу. Пришлось учиться самому. Конечно, помог и Пустырник. Особенно в части верного на- строя.

«И чужаки сами помогли. Тем, что сделали. Дали то, что дед называл личными мотивами».

При слове о «языке» командир отряда кивнул. Хотя Саш- ке и показалось, что он видит в его взгляде толику сомнения.

– Тело хорошо спрятали?

– Прикопали. Не найдут. А если хватятся, подумают, что удрал... как уже десять человек из их кодлы на этой неделе сбежали.

– Ну, вы и звери. Шучу, молодцы. А что у них там со сна- ряжением, с припасами? Как местные к ним относятся?

Он обращался прежде всего к Волкову, и Сашка не пере- бивал, пока тот рассказывал. Но несколько ценных деталей, упущенных старшим товарищем, его память сохранила. То

есть и он пригодился. Когда они закончили доклад, Пустырьник, наконец, кивнул с удовлетворением.

Получив разрешение идти, Данилов-младший пошёл в соседний дом, занятый их отделением, из которого в дозор этой ночью ходило больше всего человек. Теперь они уже отдыхали.

Домики маленькие, меньше, чем в Прокопе. Трудно поверить, что тут вообще можно было жить. Судя по всему, жили тут прежние только летом, а когда сезон заканчивался, уезжали в город. Раньше тут был дачный кооператив «Искра» (что такое «дачи», Сашка отдалённо понимал: судя по слову, их за что-то давали), а теперь в этих полуразвалившихся домах нашли временное пристанище они. Мстители.

Отряд «Йети», названный так в честь мифических снежных людей – чудовищ, наводивших когда-то ужас на путников в горах. Якобы. Старики говорили, что их видели не только в далеком Тибете, но и здесь, в Сибири: на Алтае и в Салаире, то есть в Кузбассе. Отсюда и название.

– Спи, – сказали ему. – Атаки не будет до вечера.

И, несмотря на то, что темнело рано, это означало, что можно покемарить часа четыре.

Когда парень ложился – на полу в спальном мешке поверх старого матраса, поскольку кроватей на всех не хватило, – то думал, что уснёт как убитый. Но минуты тянулись, а сон к нему не шёл, как бывает, когда не просто устал, а устал страшно. Может, он и засыпал на час или около того, но не

больше. Он так и не понял, сколько прошло времени, когда дверь комнаты скрипнула. Кто-то из крепко спящих людей перестал храпеть и приподнялся, тревожно озираясь. Оружие лежало у многих под рукой, все были настороже.

Но, увидев, что это свои, проснувшийся тут же улёгся обратно, и уже через пару секунд храпение раздавалось с новой силой.

Сашка попробовал закрыть глаза. Но понял, что не уснёт. Мешал даже запах этого чужого помещения. Всё здесь было не такое. Он вспомнил рассказ деда про поезда. Вот тут было как в купе поезда. Всё временное. Не твоё.

– Ты чего не спишь? – услышал он тихий голос над головой и узнал дядю Женю. – Отдыхал бы. Силы тебе в бою понадобятся.

– Не спится.

Они вышли в сени, чтобы не мешать спящим. Через мутное замёрзшее стекло видно, как прохаживается снаружи часовой в меховой шапке. Из щели под входной дверью дуло. На улице было холодно.

– А вообще... ты не передумал? – снова заговорил Пустырник. – Отсюда ещё можно вернуться. Вечером... перед наступлением... десять человек – обмороженных, раненых и просто... передумавших поедут назад. А из Заринска завтра придёт партия с пополнением и заменой.

– Издеваетесь? Да я жизнь отдам, чтоб этих гадов уничтожить!

– Знаю. Но жизнь никто не может отдать. Она у человека и так заемная. – Евгений Мищенко, командир отряд «Йети», также известный всем жителям Прокопы как Пустырник, был в душе философом. – А отдаём лишь годы. То есть решаем, куда их потратить. Я понимаю, месть – это блюдо, которое надо подавать голодным. Но будет у тебя, Саня, в жизни и много другого, помимо этого похода... Не только месть. Кстати, а не пора ли нам пожрать? Почти все уже поели. Короче, приходи.

Пустырник поправил свою вязаную шапку таким же движением, каким поправлял раньше шляпу пчеловода из плотной ткани, напоминавшую Сашке ковбойскую, и вышел во двор. Данилов, успевший окончательно стряхнуть с себя дремоту и размять конечности, направился вслед за дядей Женьей.

«Какого чёрта он меня опекает? Я ему сын, что ли? Или я похож на его первого сынка, который мелким умер? Вот уж точно комплимент для меня. Хилый и слабый, как пятилетний ребёнок. Тоже мне, мститель. Ворошиловский стрелок, блин!».

На улице пахло дымом, раздавались голоса.

Маленький лагерь на территории нескольких соседних дворов, заборы между которыми частично повалились, жил своей жизнью. И хотя многие ещё оставались в домах, некоторые бойцы вышли и сидели в кругу кто на деревянных скамьях, кто на чурбаках, а кто и просто на корточках. Импро-

визированный обед был в самом разгаре. От дороги их было не видно из-за уцелевшего высокого дощатого забора – даже если б какой-то вражеский лазутчик сюда забрался.

Перешучивались вполголоса, пили из фляг – не алкоголь, а травяной чай, поскольку был объявлен «сухой закон», – жевали вяленое мясо, которым их снабдил заринский правитель Захар Богданов, и ели горячую похлёбку из картошки и конины (лошадь была трофейная, хотя сами «ордынцы», скорее всего, отобрали её в какой-нибудь деревне), сваренную тут же на полевой кухне в сарае. Огонь на открытом месте тоже не разводили, чтобы не выдать отряд.

– Завтра будем ночевать в нормальных домах, а не в таких избушках на курьих ножках, – услышал Сашка голос Семёна Плахова, зама командира по личному составу, здорового, как дуб, охотника на медведей. Он не чурался и лично возглавлять опасные вылазки, где его опыт был неоценим. Видимо, его уже отпустило. Голос звучал нормально. Может, выпил чего-нибудь, прогрелся. Сам Саша к такому «лечению» обычно не прибегал.

Их путь лежал в деревню Кузнецово. Которую, впрочем, чаще называли посёлком. Многие населённые пункты – и в Сибирской Державе, и рядом с ней – просто не знали, как себя именовать, и звали, как чёрт на душу положит, даже городами, иногда имея населения двести человек, но находясь на месте бывшего стотысячника. Деревней не каждый захочет себя звать. Вот выходцы из Новокузнецка, которые при-

шли в Заринск одними из последних, до сих пор считали себя горожанами, хотя их там было очень мало.

Лежало Кузнецово чуть в стороне от Большой Сибирской Трассы в западной части бывшей Новосибирской области, близко к границе с бывшей Омской. Связи с которой не было, и что там делается, никто не знал.

Чуть к югу от него, судя по картам, находились деревня Неудачино и посёлок Безбожник. Оба неживые.

«Плохое место, – пробормотал кто-то из молодых, когда проезжали мимо. – Две деревни с такими названиями – точно проклятые».

«Интересно, а там церковь есть? – подумал Младший. – И она так и называлась, Церковь Безбожника? Кому могло прийти в голову дать такое название?».

Но само Кузнецово было вполне обитаемо, хоть и находилось чуть в стороне от трассы. Если там жило не довоенное население, а пришлые, то, наверное, специально поселились не на виду, чтобы в своё время не уничтожили бродившие туда-сюда голодные беженцы и бродячие мародёры.

Но последние лет сорок по дорогам в Сибири никто не бродил. Все приросли к своим местам.

Село было «открыто» во время первой экспедиции на Урал, когда ещё сибиряки из Подгорного шли в Ямантау, надеясь найти там что-то важное, что может их всех спасти, да так и не нашли. С тех пор при Богданове-старшем с селом существовал радиообмен и эпизодическая торговля.

В Сибирскую Державу само Кузнецово не входило. Место это захудалое, поскольку кругом только голая безводная степь, и даже любивший экспансию Владимир Богданов не был готов кормить всех обитателей бескрайних пространств – а недород и неурожаи случались тут регулярно.

Да. Бывало, что о поселениях узнавали – но принимать их, даже при том, что они были совсем не против «аннексии», не спешили. А потом Богданов постарел, и Державе вообще стало не до экспансии.

Никто даже не знал, сколько именно тут жителей. То ли пятьсот, то ли вся тысяча. Нормальной реки или леса поблизости не было, поэтому восполнить дефицит белка рыбой или дичью можно было, только отправляясь в дальние походы.

Но даже в таком богом забытом углу их ждёт нормальный ночлег. После того, конечно, когда они выбьют оттуда незваных гостей.

То, что отставший от основных сил огрызок могучей Орды получит за все дела своих собратьев по самое не горюй – читалось на лицах бойцов отряда. Ожидание кровавой расправы наполняло сердца сибиряков злой радостью. Так бывает даже у самого доброго человека, если кто-то наступил ему на больную мозоль, да не один раз. А поскольку почти все в Прокопе и Киселёвке успели породниться за полвека, почти каждый имел личные счёты к тем, кто называли себя «сахалинцы», хоть все и знали теперь, что к острову Сахалин

они отношения не имеют.

Пустырник далеко не всех желающих взял в отряд, чтобы совсем не обескровить Заринск – так много было добровольцев и среди тех, кто пришёл из Кузбасса, и среди коренных заринцев. Но машин и топлива на всех не хватило бы.

Сашка знал, что отряд получил хорошую помощь не только от нового руководства Державы в лице Захара Богданова. Тот сразу, как только был выпущен из подвала, где его держали «сахалинцы», сказал, что предоставит стихийно возникшему освободительному движению всё, что потребуется. Это была его благодарность не только за спасение жизни, но и за спасение чести как правителя.

Но освободители были скромными и не взяли ничего лишнего.

Демьянов – приёмный сын первого главы города, служивший в городской милиции, привёл с собой человек двадцать горожан, имевших опыт службы в созданных ещё при старом правителе органах правопорядка.

Живое участие в сборах приняла и старшая сестра правителя – Татьяна Владимировна Богданова, заведующая городской больницей. Её захватчики не держали под арестом, но пока брат был в заложниках, она молчала, никак власть «сахалинцев» не оспаривая, – и это было разумно. Много ли она могла сделать?

Сама клиника не пострадала в ходе штурма Заринска со стороны повстанцев, поскольку даже ордынцы не были на-

столько отможенными, чтобы вести отсюда огонь. Но она чуть было не взлетела на воздух, когда по всему городу стали рваться фугасы, превратившие в обломки и щебень больше тридцати зданий – в основном связанных с производством и жизнеобеспечением. Некоторые приписывали эти взрывы таинственному вражескому командиру с восточной внешностью, который не дался живым, а подорвал себя во время зачистки западной части Заринска. Проверить это было уже нельзя. Вроде бы его звали Мустафа, но Сашка не знал подробностей.

Знал только, что одну бомбу чудом нашли в подвале больницы, запрятанную под старые железные кровати и другой хлам – и не меньшим чудом обезвредили.

Что касается Татьяны Владимировны, оказалось, что эта дама ещё в молодости пару раз приезжала в Прокопу и знала его деда. Но ещё лучше старого Александра Данилова знали её родители – покойный Владимир Богданов и его жена Мария, которая умерла в один год с мужем. И они своим детям рассказывали про конфликт, в ходе которого уже после войны Подгорного и Заринска часть тех, кто активно боролся за победу над хозяином Заринска Мазаевым, уехала далеко на восток в Прокопу... точнее, тогда это место ещё называлось Прокопьевском.

Сам правитель объединённой Державы не говорил вслух, что он сослал туда ветеранов войны за дерзость. Но его дети были неглупы и знали характер отца. Поэтому всё понимали.

Окончательного примирения так и не произошло, пока он был жив.

Но об Александре Данилове он отзывался уважительно. Что вообще-то для него было нехарактерно. Поэтому, узнав, что старик, возможно, захвачен «сахалинцами» и увезён, как и его внушка Женя, как и ещё многие сибиряки... узнав об этом, Татьяна Владимировна обещала содействовать, чем сможет.

Старшая дочь Марии и Владимира Богдановых, хоть и не имела власти в городе, но явно обладала большим авторитетом, да и кипучей энергией тоже. И уж точно была помудрее своего младшего брата Захара, при всём уважении алтайцев и кузбассовцев к нему.

И пока её брат-правитель занимался вопросами обороны и восстановления экономики, заведующая больницей здорово помогла в организации сбора всего, что нужно для обеспечения отряда Ответного Удара – от продуктов природной фармакопеи и сшитой вручную амуниции до дефицитных довоенных вещей.

Привезли и цинки с патронами. Новенькими, с завода. Это был щедрый взнос от Милиции города, особенно щедрый, учитывая, что химическая промышленность Заринска после диверсий и разграбления пострадала сильнее всего, и следующие месяцы жителей может ждать патронный дефицит. Бездымный порох на основе нитроцеллюлозы, более мощный и подходящий для изготовления патронов к совре-

менному оружию, был сам по себе драгоценностью. Поскольку города, где он изготавливался, можно было по пальцам руки Волкова пересчитать. А в деревнях делали дрянной или вообще не делали. Хотя у ордынцев нитропорох тоже был. И не хуже, судя по всему. А вот те довоенные патроны, которые находили сталкеры в домах, обычно уже ни на что не годились, ведь нитроцеллюлоза разлагается.

Нашлись на складах Заринска и лекарства, полученные благодаря Автономным Поточным Линиям. Сами эти аппараты ордынцы увезли с собой как ценный трофей. Вернуть их, конечно, тоже было первостепенной задачей. Ведь это не обычные станки, а аппараты, созданные по технологиям, дававшим им гигантский срок службы. Вот такими шутками занимались древние. Готовились. Бешеные деньги тратили, готовясь жить после войны... и не попытались её предотвратить.

Добровольцев было столько, что многим пришлось отказать. Смотрели и на уровень подготовки, и на состояние здоровья, и на уровень мотивации. Если она исчерпывалась желанием вырваться из-под надзора правящего семейства Богдановых и вдоволь покуражиться над теми, кто попадётся под руку, то таких сразу отправляли за дверь.

Хоть «Йети» и разросся сначала почти до размеров полка, считая с резервом, но в итоге остановился на размере большой мотострелковой роты, как объяснил Сашке дядя Женя. Мол, моторесурс ограничивает количество тех, кого можно

взять с собой. Да и столицу оставлять без прикрытия будет опрометчиво. Мало ли кто ещё бродит вокруг.

Пока бойцы отдыхали, старший сын Пустырника Пётр, матёрый следопыт и охотник, опять точил свой нож (младшего, Ефима, отец почему-то в экспедицию не взял, оставил в Заринске).

Братья Красновы – у которых с Сашкой было общее желание отомстить за одного и того же человека, – ничего не точили, потому что их ножи и так были остры, что они и доказали во время предыдущего захвата нескольких пленных. Они чистили своё оружие – винтовки у них были одними из самых лучших в отряде, личные, а не выданные со склада. Чистили и попутно в красках обсуждали, что сделают с ордынцами. При виде Саши они не стали говорить тише.

Любой гуманизм ради гуманизма остался в прошлом. Если изредка человечность к врагам и проявлялась – как, например, в ходе освобождения Заринска, – то только прагматично, там, где от этого была польза. Всех остальных убивали без всякой жалости, хотя и не мучили долго, как следовало бы по принципу «око за око».

Кожевник и швейный мастер по фамилии Соловьёв чинил одежду, то ли себе, то ли ещё кому. Григорьич – кузнец и спец по слесарному делу – возился со своими железяками. Был он видный человек, хоть и вспыльчивый, как порох. Каждую мелочь, которую находил, умел приспособить в дело, даже гнутые гвозди. К нему же тащили и все предметы,

которые казались полезными. Мог он одним напильником сделать такое, что раньше только на больших заводах выходило. В мирное время и ружья, и пистолеты изготавливал. Разве что автоматы не делал, но зато старые благодаря ему служили дольше. А уж мелочь вроде ремонта какой-нибудь снаряды – вообще за работу не считал. Он был незаменимым в отряде, почти как доктор Коновалов (с такой фамилией кем он ещё мог стать?). Как и предыдущий врач отряда, по возрасту в поход не попавший, тот был родом из Киселёвки

Этот делал то же самое, что Григорыч, но с людьми – врачюя организмы бойцов отряда почти таким же грубым методом кувалды и такой-то матери. Но, как ни странно, помогало. Люди были крепкие, двухжильные и трёхжильные, как кабель, которым подключали электроприборы. Люди другой породы в послевоенной Сибири до этого дня дожить бы не смогли. Война и Зима подвергли их чудовищной селекции, какой не было, наверное, ни в одном уголке мира. Но те, кто уцелели... они были сделаны из стали.

Несколько раз на трассе им попадались брошенные «сахалинцами» при отступлении машины. Даже неопытному человеку можно было с первого взгляда отличить их от ржавых собратьев, стоящих на вечном приколе с самой Зимы. А глаз у разведчиков был намётанный – да ещё ордынцы даже не попытались столкнуть эти автомобили с дороги. Видимо, настолько торопились.

Один раз отряду попался уже присыпанный снегом могу-

чий бронированный гантрак на базе КамАЗа. Правда, вооружение с него было снято, а шины, пригодные, чтобы проехать по снежной целине, не просто спущены, а проколоты.

Всё было тщательно осмотрено. Бойцы отряда «Йети» в основном были из Кузбасса и хорошо помнили «Дорогу слёз» и расставленные даже на трупах мирных жителей растяжки. Но теперь никаких взрывоопасных сюрпризов не было. Враг бежал в полном беспорядке и даже не старался прятать следы.

* * *

Короткий доклад командиру заставил Данилова-младшего снова пережить события прошлой ночи. Он вспомнил, как несколько часов назад они неслышно, будто смерть, подобрались на лыжах к старой пожарной части на окраине деревни, стоявшей на небольшом возвышении. Только с одной стороны, там, где громоздились старые трактора, к ней можно было подобраться незамеченными. Лёжа на снегу между ржавыми металлическими монстрами, бойцы осматривали территорию через бинокли и прицелы, которые позволяли видеть в темноте. Это они тоже получили из Заринска.

Решётчатый забор давно развалился, целые секции его отсутствовали, но ворота с красной звездой и буквами МЧС были заперты, как будто это могло кого-то задержать. На высокой крытой вышке из железных ферм рядом с рыжими,

с облупившейся краской металлическими баками, было пусто. Да и лестница обвалилась, так что наблюдатель не смог бы туда залезть при всем желании. А вот в окнах двухэтажного кирпичного здания, на дверях которого ещё можно было разглядеть какую-то предупреждающую табличку, горело несколько огоньков.

Перед закрытым шлакоблочным гаражом стоял занесённый снегом УАЗ без одного колеса. Даже с оставленным на крыше пулемётом он выглядел беспомощно.

Вдруг на их глазах ворота бокса медленно открылись, и Младший в бинокль заметил внутри ещё несколько машин, но каких – не разобрал. Он просто не знал их названий.

Из гаража вышел худой и сутулый человек в камуфляжной куртке и низко надвинутым капюшоне. Механик – а в том, что это именно механик или водитель, Сашка был уверен – прошёл мимо УАЗа и пнул его ногой по колесу. А потом, петляя как заяц, походкой пьяного направился по тропинке с холма вниз к деревне. Можно было грохнуть его одним выстрелом, несмотря на все зигзаги, но такой задачи пока не стояло. Да и часовых – или просто не занятых ничем врагов – в здании резать было рано.

Основная масса ордынцев была рассеяна по деревне. Их диспозицию надо было вычислить и нанести на план перед ударом.

Дома, где жили люди, легко было заметить – над ними поднимались дымки. В такую погоду без печи никто обой-

тись не сможет. Были в селе и голые остовы зданий, были и дворы без единой целой постройки, но были и дома, которые стояли крепко, хотя не имели ни крыши, ни стёкол. В основном эти были из дерева, а не из кирпича. Надёжно их срубили в своё время из лиственницы, а может, и из кедра. Или сложили из каких-нибудь шпал.

Посёлок выглядел полупустым. Хотя зимой в Сибири просто так по улицам не особо ходят в такие вечера. Только если дела какие есть. А когда в деревне стоят вооружённые чужаки с автоматами, лишние дела стараются себе не придумывать. Но иногда то в одном, то в другом дворе люди выбегали из домов – то в сортир, то в сарай. Отличить чужих от местных было не так сложно. Деревенские носили валенки и ватные куртки, у пришлых были сапоги и камуфляж, и не какой-то, а единообразный. Впрочем, многие из них уже, видимо, разжились у местных меховыми шапками. Но штаны у всех были одинаковые. Да и автоматов у местных быть не могло. А некоторые из этих даже в туалет бегали с оружием.

В одном из дворов лежала туша лошади с воткнутом в неё топором, укрытая снегом, как ватным одеялом. Отрубленная нога, похожая на бревно, торчала из снега рядом.

Никаких часовых не было заметно. Поэтому Семён Плахов, старший из дозора, помня приказ – разузнать как можно больше, решил послать несколько проверенных бойцов подойти поближе. Сашки среди них не было. Видимо, командиры – и всего отряда, и дозора – до сих пор думали, что не

вполне надёжен. Может, по выражению глаз, а может, по тому, как пальцы парня сжимали винтовку, они чувствовали, что на него можно положиться, только когда он под чутким руководством.

Минут через пять один из посланных «на передовую» вернулся.

«Вон там, – наполовину жестами передал свою мысль Волков, появившийся из-под земли, как снежный человек. – Баня. Парится какой-то из ихних. Сейчас сцапаем».

Сашка действительно увидел в той стороне одиноко стоящую постройку. Над ней тоже поднимался дымок, но для дома она была слишком маленькой. Кругом было темно, свет в её единственном окошке не горел.

«Нет, – возразил так же, движениями рук и мотанием головой, Плахов. – Не идём. Опасно. Лучше ещё подождать».

И Сашка догадался, почему. Кто знает, сколько их там внутри в предбаннике сидит, водку пьёт и в карты играет? Может, все человек десять.

Конечно, разведчики их одолеют. Но будет много шума, а если и не будет, то потом другие «сахалинцы» найдут кровь и следы борьбы. А на посёлок идти рано. Вшестером против семидесяти или шестидесяти негодяев – это без шансов.

Они прождали ещё пару часов, прячась от ледяного ветра, – половина в развалинах давно сгоревшего магазина, половина метрах в ста от него, в железной бытовке, оставшейся после каких-то рабочих. Наблюдение не прекращали ни на

минуту, сменяясь каждые полчаса.

И вдруг удача им улыбнулась. Было уже совсем темно, хоть глаз выколи, но у Волкова был не только ночной прицел, но и тепловизор, настоящий армейский, добытый мстителями как трофей в битве за столицу. Даже удивительно, как ордынцы могли заставить ещё пятьдесят-шестьдесят лет назад сделанную штуку работать. Не могли же они производить такое до сих пор. Или покупать где-то.

Волков увидел, как по улице движется одиночный силуэт. Человек шёл быстро – явно на лыжах. Но то и дело останавливался, воровато озираясь. Несколько раз даже низко пригибался к земле. И идти старался в тени заборов. Явно чего-то опасался. Мстителей, про которых в стане врага уже не один день должны были ползти слухи? Или своих собственных товарищей?

Неуверенно стоя на лыжах, мужик тащил тяжёлый рюкзак. При нём была винтовка, и он явно еле шёл под тяжестью навьюченных на него вещей.

Дезертир! Своих решил кинуть. Сама судьба его им послала.

Даже если бы удалось «чисто» уделывать тех, в бане; допросить, а потом кокнуть, прикопав где-нибудь в овраге в снегу – «сахалинцы» бы переполошились. Но если пропадёт кто-то тепло одетый, да ещё и с вещами, то все подумают, что он сам дёру дал. Искать не будут.

Трое – один из Киселёвки и двое из Прокопы, выбрали

место для засады, подкрались к незадачливому ордынцу, дали по голове свинчаткой и уволокли к лесу. А там кинули в сани, связанного и с кляпом во рту. Собак не было, роль ездовых лаек выполняли они сами.

Куль начал шипеть и ругаться, но после нескольких несильных ударов замолчал и дальше только тяжело сопел. Впрочем, пасть ему кляпом заткнули.

Допрашивать его Плахов стал тут же, когда они удалились на пару километров от деревни. Человек назывался десятником. Звали его Ильдар, а непроизносимая фамилия заканчивалась на «-тдинов». Был он с Западного Урала: то ли татарин, то ли башкир. Это их не удивило. В самом Заринске и Кузбассе татар было предостаточно. Но это был чужой татарин, и им была без разницы его народность.

Это были уже бывшие «сахалинцы». Сильно отставший от других отряд, который должен был ждать сигнала и после получения приказа выдвигаться в Новый Ёбург. Но то ли из-за кривых рук у них сломалась рация, то ли погибли или потерялись все те, кто умел ею пользоваться. Связь с командованием пропала, и теперь они просто не знали, что им делать.

Большого Плахов не смог у него выпытать – смелый оказался чертяка и боли не боялся. Да и не приходили в голову другие важные вопросы. Поэтому старший дозора решил доставить пленника во временный лагерь для обстоятельного допроса.

А дальше... произошёл прокол, который чуть не стоил им

всей операции. Когда они на секунду потеряли бдительность, «язык», привязанный к саням, рванулся всем телом и разорвал оказавшуюся гнилой верёвку. И побежал. Звучит смешно: «язык» побежал, но им было не до веселья. Пришлось его догнать, а потом, поскольку тот отбивался как дикий зверь, да ещё и орал как оглашенный, – зарезать, когда он чуть сам не располосовал одного из сибиряков его же ножом.

Слава богу, сильный ветер дул со стороны деревни – и крики уральца не услышал никто. Тело оттащили подальше и бросили в овраг, закидав ветками и снегом. Теперь найдут его разве что волки.

Схему примерного расположения занятых людьми домов разведчики набросали, можно было возвращаться.

* * *

Вечерней атаки ждали как праздника. Со времен битвы за Заринск перед ними впервые была хоть какая-то сила.

– Всех порешим, – произнёс Волков-Колотун и поднял руку со сросшимися пальцами, в которой каким-то образом умел держать нож. – Пленных брать незачем. И так всё знаем.

В драке он этим ножом умел орудовать обеими руками, и здоровой, и... альтернативной.

– А заодно накажем этот клоповник, – выступил вперёд Григорыч; после пыток, которым подвергли его жену в са-

натории «Полухинский», он имел к ордынцам свои счёты. – Какого чёрта они их привечают, этих уродов?

– Нет, – отрезал Пустырник. – Нам нужна деревня как перевалочный пункт. Поэтому строго никаких казней, пыток и прочего веселья. Ты не знаешь здешних раскладов.

– Знать ничего не хочу, – упрямо твердил кузнец.

– Не знаешь, чем тут люди живут, – повторил Пустырник. – Одни, без защиты. Я не думаю, что они по своей воле этих тварей пригласили. Захару в Заринске надо было поддерживать с Кузнецово прочную связь. Держать тут пост и что-то типа фактории. Тогда мы... точнее, он – знали бы заранее о приходе армии СЧП. А может, и их цели бы знали.

– Ну, ты политик, блин, Евгений, – с уважением произнес бородатый специалист по металлам и надолго замолчал.

А Сашка задумался. Как ни любил он своего отца и деда, как ни берёг теперь память о них – но не мог не признавать, что в чём-то Пустырник был разумнее тех обоих. Наверно, из него получился бы хороший вождь.

«Мне это на хер не надо, – говаривал про власть сам Пустырник. – Ответственность... Тыфу. Хотелось иногда... взять ружжо, рюкзак, и катись оно всё колбасой! Пешком по дорогам – аж до самого Владика. И чтоб только ветер в лицо... Или до Питера. Или вообще в Гейропу. Правда ли, что там одни содомиты, или нормальные люди тоже есть? А то и через океан в Пиндосию. Нет. Не получилось бы из меня вождя».

Странный был человек дядя Женя. Интересные штуки отчебучивал.

Один раз, еще в Заринске, перед самой отправкой «Йети», он подстрелил за городом из «мелкашки» зайца, принёс его на площадь перед зданием Суда, да и бросил под ноги зевакам, которые безучастно наблюдали за сбором отряда, но сами ничем не помогали:

«Это вы».

Потом взял миску чечевичной каши и поставил рядом с тушкой. Добавил: «А это – ваша еда». Затем ободрал тушку, выпотрошил и ещё раз показал им: «А вот как с такими поступают!».

И сделал вид, что бросает тушку в кучку людей, среди которых, как Сашка знал, были те, кто остался не очень рад гостям из Прокопы и Киселёвки и считал именно их, а не пришедших из-за Урала, причиной своих бед. Как он определил, как вычислил их сборище? Чёрт его знает. Но это были не самые последние люди в городе.

Заринцы шарахнулись, чтобы кровь и потроха не запачкали одежду, а дядя Женя только расхохотался и пошёл своей дорогой во временный штаб отряда, неся под мышкой коробку с какой-то амуницией.

Другому бы морду набили, но его терпели и слушали даже те, кому он не нравился. Но и сам он ничего с ними не сделал за их взгляды. Хотя мог бы.

Было пять часов вечера, когда отряд вышел на позицию. Но небо затянули тучи, поэтому стемнело раньше, чем обычно.

Они взяли деревню в кольцо. Почти все бойцы участвовали в этом окружении, потому что тыла у них практически не было – воевали теперь просто, без большого штата писарей, поваров, связистов и прочих.

Отряд был вооружён и экипирован по довоенным нормам и табелям, ведь трофеи при разгроме контингента в Заринске они захватили богатые. Почти у каждого третьего был автомат (большинство всё же были с винтовками), имелись в наличии и несколько ручных пулеметов, хотя патроны старались беречь. Много было гранат, хотя их старались беречь ещё больше.

«Не жалейте, – говорил Пустырник. – Полежат ещё десять лет и испортятся, придётся списывать. А так хоть кому-то шкуру осколками продырявят. А вот патроны берегите. Без них никак».

Перед боем, когда никто не смотрел на него, Александр снял рукавицу и набросал карандашом в своем ежедневнике портрет того, кого называли Уполномоченным. Того, кого он не видел своими глазами, но о ком сполна рассказывали пленные, на допросах которых он пару раз присутствовал

ещё в столице.

То, с каким подобострастием и страхом говорили об этом человеке разгромленные в Заринске враги, парня немного удивило. Нет, он знал, что того же покойного Богданова-старшего, правителя Сибирской державы, очень уважали, и у него существовал свой маленький культ. Но ничего подобного любви своих подданных к Уполномоченному в Сибири не было!

Солдаты СЧП боготворили... и боялись его даже здесь, за тысячи километров... даже стоя в ожидании пыток или казни. Впрочем, расстреляли далеко не всех из них, многим подобрали полезные для здоровья каторжные работы на открытом воздухе.

Все они говорили разное, но сходились на том, что это человек огромного роста, а его глаза горят таким огнём, что ему приходится носить очки, чтоб беречь своих подданных. И Сашка попытался изобразить его на бумаге. Совсем недавно ему не удалось нарисовать ни отца, ни Киру – хотя он старался. А вот тут за пару минут у него получилось. Вышел какой-то древний вампир в чёрном капюшоне с огненными провалами глаз. Но совсем не могучий, а тощий и невысокий. Но всё равно страшный. Пустырнику и остальным он, конечно, рисунок не показал. Те были слишком заняты. Да, по такой картинке он вряд ли найдёт Уполномоченного...

Сначала они заняли пожарную станцию, где горели несколько огней. Отзвук пары выстрелов и грохот автоматной очереди долетели до Александра. Знать о том, как происходит там бой, он не мог – его отделение было далеко, и с врагом ещё не соприкоснулось. Но, судя по тому, что огни вскоре погасли, а новой стрельбы не было, – тех, кто сидел внутри здания, просто смели.

Ну а дальше Плахов сделал знак рукой – и они впятнадцатером тоже пошли вниз, в деревню. Преодолели уклон, где снег был глубокий и ноги вязли, а дальше пошли по твёрдому насту. Вес невысокого и щуплого Саши тот выдерживал, даже не сминаясь. Ему не нужны бы были никакие снегоступы.

Ориентировались они по схеме, ими же составленной в дозоре, но куда именно их ведёт командир, куда будет направлен удар, Данилов мог только гадать.

– Уходят! – внезапно услышал парень крик где-то справа. Это орал один из новеньких в отделении, вроде его звали Лёха, он был родом с одной из заринских деревень с юга, и занимался раньше тем, что валил лес. Был здоровый, но про него говорили, что он сам как неотёсанное бревно. Вот и теперь он замолчал, но не раньше, чем кто-то сказал ему, более тихо, но доходчиво, чтоб он заткнулся.

Плахов заметил это раньше него. Увидели и остальные.

А уже потом Сашка. На главной поселковой улице, которая отсюда хорошо просматривалась, возникло какое-то шевеление. Фигуры в камуфляже шли размашистыми шагами, скорее всего, на лыжах – туда, где по прикидкам Данилова находился север. То есть от сжимающихся с двух сторон клещей окружения, о котором они, наверно, даже не догадывались, слыша выстрелы только с одной стороны и надеясь убежать незамеченными.

Главное, догнать их и не дать выскочить, подумал парень.

И в этот момент прогремели первые выстрелы с другого направления. Данилов-младший увидел, как несколько бредущих фигур упали, а остальные сначала замерли, а потом легли на землю. Отстреливаться.

Сашка не был уверен, что попадёт с такого расстояния. Но вот он заметил одного из врагов совсем близко от них, поднимающегося по склону оврага. «Сахалинец» сделал несколько лихорадочных выстрелов в их сторону – пули пролетели где-то над их головами – и тоже дал дёру. Он был без лыж и увязал в снегу.

Надо было убить его. Младший знал, что это сделают и без него, но глухая ненависть в сердце заставила Александра захотеть опередить их.

Стрелял с колена. Вот фигура уже в прорези прицела. Автоматизма нет, он ещё новичок, обдумывает каждое действие – совместить проклятую мушку с точкой прицеливания. А они обе колеблются, суки.

Ещё поправка на ветер. Поправка на ветер, мать её. Нет, ветер хлестал Сашке точно в спину, а значит, пулю сносить не будет. Только подгонять. Значит, поправка на движение цели. Потому что гад бежит. Надо метить с опережением – не туда, где находится силуэт сейчас, а туда, где окажется через мгновение.

Хорошо, что он не вихлялся, а бежал ровно...

На тебе, падла, получай. За всё! Нажал на спуск и представил себе пулю, врывающуюся в человека в камуфляже, который днём был бы зелёным, а сейчас просто тёмным.

И тот упал.

«Пятый», – подумал Сашка.

Кто-то из товарищей заметил его выстрел. Что-то ободряющее ему сказал, но слова унёс ветер. А они уже шли дальше.

Ещё двое, находившиеся куда дальше и стрелявшие в их отделение с колена, легли под пулями его соседей. При чем легли наглухо, неподвижными, а не затаились. В неестественных позах, явно дохлые.

А впереди один за другим падали и другие безликие призраки, не поторопившиеся вовремя залечь. С двух сторон со склонов их косили, как траву, выбивая одного за другим.

Кто-то полз, кто-то остановился или припал к земле и поливал огнем то направление, откуда они могли ожидать безмолвно надвигающихся мстителей. Но тех было слишком много, и эти одиночки ничего не могли изменить. Да и прицелов ночных у них явно не было.

Данилов слышал, как вроде бы кто-то рядом заорал, а краем глаза увидел, как один из бойцов его отделения упал на снег. Но другие не останавливались, и он не замедлил шагу.

Несколько «зелёных», тех, кто хорошо зарылся в ландшафт и беспокоил их беспорядочной стрельбой, выковыряли из него гранаты.

Вскоре последний из беглецов затих. Впереди больше не было заметно никакого движения.

Саша видел, что кто-то отправился проверить, все ли лежащие мертвы и нет ли кого-то ещё впереди за жидкой линией деревьев. Но их отделение развернули назад – командой по рации, которую Плахову дал Пустырник, сам уже, видимо, вошедший в Кузнецово с основными силами отряда.

Двинулись туда и они.

Вблизи эти домики – кроме нескольких – выглядели убого даже в сравнении с Прокопой, не говоря уже о Заринске. Крайние и вовсе оказались нежилыми и сгнившими.

Один кирпичный коттедж командир проверил с тройкой бойцов с автоматами.

– Там местные, – объявил Плахов, выходя на улицу. – Лежат на полу, чтоб не зацепило. Вроде все живы. Давайте дальше поосторожнее!

«Осторожность» стоила отряду жизни одного бойца, не из их отделения.

Тот был убит затаившимся в подполе одного из домов «сахалинцем», который его срезал очередию, стоило ему войти

в комнату.

Ещё двоих таких любителей прятаться они убили, а троих выловили бескровно. Помогли жители.

Никто не сумел организовать им сопротивления. При таком численном перевесе, концентрируя всю огневую мощь там, где это было нужно, – кузбассовцы и алтайцы раскатали врагов как каток. Да и раций у тех тоже не было.

Когда они, наконец, покروшили последних бойцов СЧП, к ним вышла, пригибаясь и держа руки поднятыми, делегация аборигенов.

Белого флага не было, но всё было и так ясно. Мол, они не при делах, и к бандитам отношения не имеют. «Не убивайте, пожалуйста».

Староста посёлка принял их довольно тепло, если не сказать – льстиво. Это был невысокий живчик с красным лицом и тремя волосинами на лысой голове, лет пятидесяти с лишним, одетый в простую ватную куртку.

«Вы из Подгорного, братишки? Как так ”разрушен?..” А... так вы всё-таки раньше там жили? – он улыбнулся, когда услышал утвердительный ответ, будто узнал родных людей. – Не вы, а предки ваши? Какая разница, всё равно свои. Ну, проходите, проходите... Я пацаном был, помню, мы играли на дороге, а тут ваши ехали... куда-то на запад к горам. Стояли на том месте, где раньше пожарники жили... Заступники вы наши! Спасители. Только чё же вы так долго-то, а? Почему не спешили, а?

Неприятным сюрпризом окажется потом, что далеко не все жители были так же рады. Но это выяснится только позже.

Вначале же была только идиллия. Почти сразу, когда закончивший зачистку отряд стал лагерем в селе – даже трупы еще не успели убрать, – местные уже потянулись к нему со своими жалобами.

Те, кто был обижен «сахалинцами», начали рассказывать о каждой гадости, которую от них вытерпели. Александр быстро смекнул, что делились этим они не просто так, не для психологической разгрузки, а с расчётом, что им дадут что-то вроде гуманитарной помощи. Скрипя зубами, Пустырник отдал селянам кое-что из одежды, немного трофейного горючего, бензина, который был машинам экспедиции не нужен, но пайками делиться не стал. Но и отбирать себе какой-либо фураж у местных своим людям тоже запретил. Хотя первоначально была мысль разжиться здесь хотя бы картошкой и хлебом.

А вот двоих пленных пришлось повесить. Пустырник, хотя и не жалел их, но выдал неохотно, потому что думал ещё пораспросить получше. Но жители – точнее, одна жительница – попросила выдать их на расправу.

Дряхлая однозубая старуха, помнившая довоенное время («Я была депутатом сельсовета, сынки...») рассказала, как эти двое изнасиловали тринадцатилетнюю дочь её соседей, а потом, улыбаясь, похлопали девочку по плечу и подарили

ворованное пальто, тёплые сапоги и украшения. Наверно, до самого знакомства с верёвкой они искренне считали, что та сама этого хотела. Родители потерпевшей не хотели выносить сор из избы, да и сама она молчала как рыба, и вот тут как раз подвернулась глазастая старая сплетница, у которой дома был целый музей икон, портретов царей, президентов и ещё один леший знает кого. Но Пустырник был ей благодарен, потому что искренне считал, что такие твари, как эти двое, жить не должны, и в этом была его простая жизненная философия.

Пришлось приводить приговор в исполнение самим. Для этого выбрали несколько высоких деревянных столбов от старой линии электропередач. И вскоре обвиняемые «вознеслись» на них, словно флаги.

Правда, Пустырник пару раз говорил своим бойцам, что не все ордынцы такие. Ему рассказывали случай, как они сами навели среди своих порядок. Ещё до освобождения Заринска. Один раз, когда мытари – сборщики дани – лютовали особенно сильно в маленькой деревне Горелой, прижигая неплательщиков раскалёнными прутами, устраивая публичные порки и избиения сапогами, и даже собираясь повесить или обезглавить пятерых случайно выбранных селян, – пришли другие и прекратили издевательства, обезоружив первых бандитов.

И эти вторые тоже были люди СЧП. Их командира звали атаман Саратовский (странный такая фамилия!), хотя дру-

гие называли его просто Окурком. Обезоруженным им «сахалинцам» вскоре вернули автоматы, но больше зверствовать не позволили. А потом и вовсе увели прочь.

Да, не все они были уродами, конечно. Но и отребья среди них было порядочно. Даже если десять процентов – всё равно этого достаточно для того, чтобы превратить жизнь мирных людей в ад. В Заринске они ещё держались в берегах, боялись. Но все небольшие поселения Сибирской Державы, да и просто находящиеся по пути отсюда на Урал – в полной мере ощутили на себе радости ига. Во время пути Сашка наслушался историй об отрезанных ушах, отбитых прикладом почках, мужчинах, посаженных на бутылку от шампанского, женщинах, которых изнасиловали полицейской дубинкой, о пытках электричеством и водой, подвешиванием за руки... и ещё много о чём.

Не миновало расправы и Кузнецово.

– Долго же вы собирались... – сквозь зубы процедил один мужик, потомственный плотник и гробовщик. Оказалось, его сына забили до смерти за то, что тот якобы украл мешок отрубей из амбара.

Но были и другие, как позже выяснится. Кто на бойцов «Йети» сразу смотрел волком и втайне жалел, что ордынцев выгнали. Это, как подумал Сашка, те, кого расправы миновали... может, потому, что они активно подставляли под них других. И просто любители принципа «Моя хата с краю». Им казалось, что явившийся из Заринска отряд разрушил толь-

ко-только установившуюся безопасную жизнь, изгнал или убил их защитников и благодетелей.

«Жизнь только начала налаживаться, а тут вы...»

«Обещали, что пришлют три вагона с зерном».

«Говорили, что семена дадут. И овец. И коз. И бензин. И дизель-топливо...»

Пустырник на такие заявления только отмахивался и говорил, что даже бараны с овцами умнее таких сказочных дебилов. И что бензин с дизелем «сахалинцы» могли им разве что закачать грушей в задницу и поджечь для потехи. Мол, и хорошо бы, если бы закачали.

Но никаких санкций к таким болтунам применено не было. Слово «санкции» в Сашином восприятии означало какое-то туманное, но страшное наказание.

«Дальше будет хуже, – подумал Александр. – Будут и места, где нас будут сразу считать врагами».

И вполне справедливо. Кем их ещё считать, если там, за Уралом, – абсолютно чужая земля?

Пленный, которому сохранили жизнь, – хоть некоторые местные и скрипели зубами от досады за такое решение, – рассказал сибирякам всё, что знал. Он надеялся, что его оставят в Заринске на положении «холопа» (сам это слово употребил). Поведал и про радиоактивный пояс, и про города по ту сторону гор, и даже про страшное Ямантау, хотя там и не бывал.

«Ну, это мы и без вас знаем», – сказал дядя Женя и пере-

глянулся со своим заместителем Айратом по кличке Каратист, который в этом бою лично пятерых застрелил, а одному свернул шею при зачистке домов.

На самом деле, конечно, никто этого мужика в Заринск доставлять не будет. Вместо этого его возьмут с собой в качестве проводника. Чему он, разумеется, не обрадовался. Но и альтернативы он понимал: быть зарезанным на месте или выданным на расправу тем жителям Кузнецово, которые к нему претензии имели. Да и погорчаться ему не дали, связали и заперли получше.

* * *

Никакого торжественного вечера в честь освобождения решили не устраивать. Особенно когда узнали, что отряд идёт дальше.

«Вы, блин, не знаете, что там впереди только смерть?» – услышал Сашка, стоявший рядом, слова старосты, которые были адресованы Пустырнику.

Только смерть.

Но дядя Женья отмахнулся.

В эту ночь Младший – да и все остальные – спокойно спали в относительно уютных постелях – удобных в сравнении со спальным мешком на снегу или старой койкой в заброшенном полвека доме. Спали впрок, раз уж не могли впрок наесться – продуктовые рационы были жёстко распределены

на один-два месяца грядущей дороги. Хотя пополнять запасы предполагалось и на месте. Как – это хорошо известно.

И в момент перед погружением в сон ему вдруг стало невыносимо страшно. Он понял, что в глубине души надеется, что здесь они и останутся, устроят тот самый форпост. И не двинутся дальше. Всё-таки зима не за горами. А по погоде – не по календарю – уже месяц как зима.

Он не знал, как там настроены остальные... Вроде многие горели желанием продолжать путь и жадой мести. Да и сам он так и не спас деда и сестру Женьку. И не отплатил этому Уполномоченному. Вампиру в чёрных очках. Но в момент этой странной слабости Сашка подумал, что это уже невозможно – выволить их. Что дед с Женькой уже, наверно, мертвы. А мстить... ну так Кира сама просила его в последней записке этого не делать.

А умирать ему уже совсем не хотелось.

Но тут же парень устыдился этой слабости и трусости.

«Да кто я такой, мужик или нет? Смогу я жить спокойно, если не удастся отплатить убийцам и бандитам той же монетой?! Они отца убили, они девушку, которую я любил, до смерти довели – а ведь ни один из этих уродов и мизинца их не стоит!».

И сомнения ушли. А вскоре он почти уснул, убаюкиваемый свистом ветра за окном и монотонным бубнёжом в соседней комнате. Там разговаривали Пустырник со старостой. И, похоже, выпивали:

– Я совсем молодой пацан был, – говорил, судя по голо-су, староста. – Играли мы в «Чау-чау, выручай!». Это игра про съедобную собаку, которую все ловят. Наполовину прятки, наполовину догонялки. И вот видим – едут ваши... Один был прям похож на этого пацана, который с тобой. Денщик он тебе, слуга или кто?

– Оруженосец, скорее.

– А это чё значит?

– Ну, вроде как помощник.

– Ясно, – староста хрустнул костями, вставая, чтоб подбросить угля в печку.

Пустырник какое-то время молчал. Был слышен звук наливаемого напитка.

– Как-то не нравится мне это, – произнёс он, наконец, когда староста, судя по скрипу стула, сел на своё место. – Слишком легко идём. Как бы не расслабились пацаны. Мол, шапками закидаем. Не нравится. Но всё равно мы должны идти на Урал. Должны...

Идти. Сашка услышал главное, и дальше уже перестал «греть уши», как выражалась его бабушка. Будущее виделось прямой и ровной дорогой – и в пространстве, и во времени. С этими мыслями он погрузился в сон. Ему ничего не снилось.

Знал ли он тогда, что впереди у них долгий и трудный путь по бесплодной земле и финал этой дороги, которого они совсем не ждали?

Глава 3

Специальная доставка

Молчун шёл, не скрываясь, и напевал себе под нос песню про Город, которого нет.

Рассвело. Солнце выглянуло разом, демонстрируя себя, как неопытная стриптизёрша в клубе, но тут же, будто застеснявшись, скрылось за облаками. Летом тут светало очень рано. Забавно было осознавать, что это место куда ближе к Северному полюсу, чем Прокопа. И при этом зимы настолько мягче. Хотя все жаловались, что раньше было теплее.

Давно остались позади порт, рыбная и сельскохозяйственная зоны – на западную оконечность острова было вынесено самое грязное производство.

Там господствовали неприятные запахи. И не только рыбы и мазута. В одном месте в нос ударил слабый дух навоза. Фермы. Корявые, недавно построенные из кирпича от разобранных зданий, жести и шифера. Фураж для живности привозили из деревень. Хотя в основном хрюшки жрали отходы с рыбных заводов. Вот последние воняли ещё сильнее и находились вдали от штаб-квартир и райончика элиты. На острове было мало распаханной земли, потому что места тут было немного, да и сама земля не очень. Вроде бы едой остров

себя не обеспечивал. Но он продавал... то есть экспортировал многие товары, которые никто во всей Вселенной больше не делал. Нефтепродукты, патроны, лекарства... некоторые, говорят, лечили за счёт того, что покупатели в них верили. А ещё активнее Остров торговал воздухом, то есть собирал подати за пользование дорогами и взимал долги за выданные ранее кредиты. В общем, было ему на что жить. Не все оборвыши были немирными. Какое-то число сотрудничало, а кто-то жил у Острова в кабале. К северу, в бывших дачных посёлках, находились латифундии.

Когда Молчун услышал про это, его посетила шальная мысль: «Может, не так уж плохи те бригадиры? Может, к ним податься?». Но она, эта мысль, быстро ушла, когда он узнал о них побольше и посмотрел на плоды их деятельности. В общем, КамАЗ со взрывчаткой на оба ваши дома.

Огородные хозяйства остались позади. Молчун не хотел бы быть фермером. Хоть землю пахать, хоть за скотиной следить его не тянуло. За ней же, гадиной, целый день надо смотреть. Но ещё меньше он хотел быть сборщиком долгов.

Даже его нынешняя работа была проще. Даже то, что он делает сейчас.

Он шел пружинистой и в то же время расслабленной походкой. «Типа я просто прогуливаюсь по городу, единственному в своем роде».

В вечернее и ночное время такие окраины Острова были довольно опасны. В доках и в переулках, а тем более во дво-

рах или брошенных зданиях незадачливого прохожего могли заставить поделиться. И продукты отбирали за милую душу. Реже, но случалось такое и на оживлённых улицах, и на набережных. Власти с этим почти не боролись. Молчун давно понял это. Когда он вступил в «клан» Михайлова, то быстро осознал, что теперь можно ходить без боязни, даже с рюкзаком, полным хабара, привезённого извне. Мелкая гопота связываться с людьми магнатов жутко боялась. А проблемы фраеров правителей не интересовали. Оба дуумвира исповедовали стихийный социал-дарвинизм и считали, что тот, кто себя защитить не может, виноват сам.

А вот и Малый проспект, торговая зона. Здесь уже безопаснее, но до введения комендантского часа ночью тут, что называется, пошаливали. Сейчас – нет.

Конечно, в такой час тут ещё мало что открыто.

Он шёл с рюкзаком за плечами и в своей обычной чёрной форме, которая раньше, до попадания его в наёмный отряд, лежала, скорее всего, на складе Министерства внутренних дел. Той ещё, не существовавшей уже полвека страны. Разве что шевроны и другую атрибутику «бойцовые коты», да и «еноты», у которых форма была почти такая же, но серая, пришивали свою.

Людей на улицах не было. Магнаты совсем недавно установили комендантский час. Раньше, как говорили, такого не было вообще, и многие шарахались пьяными по улицам до утра, буянили и безобразничали. Да владельцы и не видели в

этом большой угрозы для себя. Разве что гвардия их иногда была не прочь извлечь дополнительный доход от патрулирования.

Не сказать, чтобы запрет был очень строгий – мелкая рыба в сети попадала и выходила из них, лишаясь чешуи, а вот крупная рвала и уходила. А иногда просто игнорировала. Поэтому и сейчас случалось, что кто-то шляется и буянит. И в основном это были люди, которые служили самим магнатам.

А вот мелкая сошка, да, стала лучше знать своё место. Что и требовалось.

Свет фар. По проспекту проехала запоздавшая (или наоборот, ранняя) машина – не привычный для внешнего мира УАЗ или другой джип, а большой комфортный автомобиль с низким дорожным просветом, какой-нибудь Вольво или Мерседес, который нигде за пределами этого островка ездить бы не смог. Может, засидевшийся в лавке за сведением баланса купец, или пьяный гуляка возвращается из ресторана. Один и тот же человек в разные дни может побывать в обеих ипостасях. Это Питер.

Вдалеке уже виднелся забор кладбища.

Но на пересечении с улицей Беринга впереди показался пеший патруль «котов» из трёх человек. Младший помахал и вышел на свет фонаря – это надо было сделать, потому что иначе могли стрельнуть. Древние фонари стояли больше для красоты, от силы один из двадцати был исправен. Да ещё на зданиях иногда в ключевых точках висели светильники и

лампы разной мощности.

Его узнали сразу. Старший патруля, Кирюха Котов, был ему знаком. О том, какая у Кирюхи кличка, с такой-то фамилией, можно было предположить. Но нет, не Кот. А Хлеб. Почему, никто уже ту историю не помнит. Хлеб, здоровый мордоворот, кивнул – мол, иди-иди, Саня, по своим делам, не задерживайся. Двое его напарников были без автоматов, да и в кобурах могли у них быть бутерброды или огурцы на закуску.

Бакшиш не потребовали, всё-таки свой. Подумали, может, к бабе или за водкой, или ещё куда. На Малом проспекте кое-какие заведения и ночью работали. И соседство кладбища им совсем не мешало.

Патруль прошёл своей дорогой, а он своей – дальше по проспекту.

В общем-то, комендантский час действовал для простых жителей. Гвардейцам делалось послабление. Но, конечно, не на чужой половине острова. Туда им, наоборот, в запретное время путь заказан.

* * *

Вот и пограничная зона.

Слева – решётчатый забор кладбища, где всё заросло настолько, что напоминало лес. Слугам магнатов не с руки наводить там порядок и вырубать растительность, а смотритель

был вечно пьян и ленив. В относительном порядке поддерживался только маленький уголок. За старыми могилами никто не ухаживал, а для новых мёртвых жителей острова хватало и клочка в северной части.

Справа – четырёхэтажное здание Ратуши, где и до Войны находилась какая-то государственная контора. Теперь человек десять чиновников при пиджаках и портфелях работали и жили тут – хотя настолько ни на что не влияли, что всем даже было плевать, на чьей половине они будут находиться. Вот, живут на михайловской, пусть и у самой границы. Чистая бутафория. Дармоеды, и часто к обеду в рабочие дни уже пьяные в доску. Тут в городе употребляли сильнее, чем во внешнем мире. Потому что за Поребриком алкоголь найти становилось всё труднее, а мертвецки пьяный легко мог стать просто мёртвым. Младший вспомнил, как трудно ему было получить в Ратуше какую-то бумагу раньше, и насколько проще стало, когда он поступил на службу.

Дальше в ряду был банк или что-то в этом роде – большое абсолютно безжизненное здание из серого бетона, когда-то, наверное, красивое, а сейчас жутковатое, без единого стекла и с обвалившимися верхними этажами.

И всё. Дорога кончилась.

Здесь вдоль границы владений тоже прохаживался патруль из двух архаровцев. На двоих у них уже точно был автомат АКСУ и пистолет. Должна была быть и собака, но её почти никогда не брали. И Саша знал их график. Они про-

шли пятнадцать минут назад и ещё столько же их не будет.

Никаких специальных заграждений вдоль границы не было. Раньше не было и блокпостов. Это недавнее нововведение.

Разделительная полоса проходила в этом месте не по 18–19 Линии, а по границам кладбища. Кладбище было ничейным, общим. Но всё, что располагалось к востоку от кладбища – и здания, и люди, – принадлежало Кауфману. К западу – соответственно, Михайлову.

Прямо за кладбищем по левую руку от Малого проспекта стоял до Войны какой-то завод, на руинах которого теперь было несколько мастерских. Но ночью они не работали.

А справа – остов рухнувшей много лет назад «Полосы». Где-то в стороне, южнее, была и вездесущая «Семёрочка». Забавно, что в его родном городе имелись торговые заведения с такими же названиями. Сгоревшие дотла в Войну. Но здесь всё же использовали эти площади под рынки. Хотя чаще мелкие лавки и магазинчики располагались на первых этажах зданий, там, где и до войны были подобные. Тоже своего рода преемственность.

Почему-то ему показалось, что в Прокопе этот торговый центр назывался «Лента». Не «Полоса». Он представил буквы названия. Или нет? Реальность вдруг показалась зыбкой, как туман над морем.

Дед – кладёзь мудрости – часто говорил Саше, что за свою долгую жизнь раз двадцать сталкивался с таким явлением,

когда память о каком-то событии – глубокие подробные воспоминания – оказывалась противоречащей реальности. И чему верить? Реальности? Или памяти? Дед и сам не был уверен. Говорил, что мы не можем быть уверены, – а вдруг прошлое меняется само по себе? Постепенно. А мы даже не можем знать, остаётся ли мир прежним, когда мы закрываем глаза, и остаётся ли вещь на месте, когда мы отворачиваемся. И один ли на самом деле наш мир, или это что-то вроде слоёного пирога, где один слой налезает на другой.

Ну и чушь лезет в голову...

И всё-таки этот чертяка Баратынский мог бы и днём его пригласить. Зачем заставлять идти даже на такой мелкий риск?

Понятно, если нарушение одно – то это ерунда. А не пойман – вообще не вор. Но ему-то и так приходилось нарушать закон каждый раз, выходя наружу. Получить разрешение на то, чтобы покинуть Остров легально, было почти невозможно. Зато лодку нанять, чтобы переплыть, – раз плюнуть. Правда, возвращаться проблемнее. Чтобы не отправили на дно, надо и взятку дать, и проверку пройти... добычей поделиться.

Короче, строгость законов уравнивается тем, что по-настоящему следят за их соблюдением, только если нарушения угрожают власти. А для большинства граждан вместо законов действует право сильного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.